

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern 0.70 Pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 13 (345)

15-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

10 Июля 1935 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Борьба за мир.
А. Югов. Сельско-хозяйственный налог.
Б. Сапир. Реорганизация Комсомола.
С. Шварц. Международная Организация Труда и Советский Союз.
В. Александрова. Съезд культуры.
В. Винниченко. Открытое письмо Сталину (Письмо в редакцию).

Заграницей: В Латвии.
Жан Аллеман. Некролог.
По России: Москва. — Беспартийные сталинцы и партийные анти-сталинцы. — ВКП без большевиков. — Добродетельный Сталин и «разложившийся» Енукидзе. — Кто ближе к Сталину. — «Рабы!» — На положении Павла I-го. — Комсомол «провонявший меньшевизмом». — Сталин наш!
Почтовый ящик. — От конторы.

Фельетон: Р. Абрамович. Америка в 1935-ом году.

БОРЬБА ЗА МИР

В неустойчивой и текучей международной обстановке современной Европы картина меняется как в калейдоскопе. Много-ли месяцев прошло со времени соглашения в Стресе? А между тем, сейчас, после англо-германского договора о морских вооружениях, от этого соглашения уже не осталось камня на камне. Идея Стрессы и Женевы сводилась, говоря конкретно-политически, к тезису о «неделимости мира». Вопрос об обеспечении мира брался как единое целое, неделимое. Участвовавшие в этих соглашениях державы обязались разрешить проблему мира в рамках коллективного договора, не размывая его на ряд отдельных соглашений между отдельными державами. Смысл Стрессы в понимании всего мира, да и в понимании самих заинтересованных держав, заключался далее в том, что эта система коллективного договора должна была связать угрозой реальных санкций те державы, которые в Европе сейчас являются носителями военной опасности, бродилом грядущей войны.

Совершенно естественно, что становым хребтом такого соглашения, которое означало бы реальную ситуацию и санкции которого представляли бы реальную угрозу для нарушителей мира, должна была явиться прежде всего Англия. При данной расстановке сил, при которой носителем агрессивной-военной политики, направленной одновременно на Запад и на Восток, является гитлеровская Германия, участие в такого рода соглашении России и Франции являлось само собой разумеющимся и заранее учитывалось противной стороной. Иное

дело Англия и Италия. Участие Англии и Италии в такого рода соглашении, заключенном с участием Германии или без нее, постольку имеет решающее значение, поскольку выступление Германии (одной или в союзе с более мелкими государствами) против такой совокупности «гарантов» являлось бы простым актом самоубийства или жестом отчаяния, заранее обреченным на катастрофическое поражение. В этом смысле, поскольку вообще можно говорить о реальном значении всяких пактов и договоров, коллективный договор о сокращении вооружений (и о неприкосновенности территорий Франции и Советского Союза), подкрепленный подписью Англии, мог бы явиться, по крайней мере на известный период времени, действительной гарантией мира.

Но можно ли об этом говорить сейчас? Заключив, по видимому, даже без предварительного осведомления Франции, военно-морское соглашение с Германией, фактически аннулирующее соответственные статьи Версальского договора и разрешающее Германии морские вооружения в пределах, делающих ее гегемоном в Северном и Балтийском морях, — Англия наносит тягчайший удар самой идее коллективного договора о разоружении и толкает все другие державы на путь отдельных соглашений с Германией — о довооружении!

Торжествующий тон германской печати, невразумительные ответы, которые Хор давал в английской палате депутатов, полная неудача миссии Идена в Париже, — все это с достаточной ясностью говорит о том,

что внешняя политика Европы вступает в новую стадию, ничего общего уже не имеющую со Стрезе-Женевскими настроениями.

«Политика Англии, колеблющаяся в своих формах, но строго выдержанная в основном, вновь возвращается к своей исходной точке, — к стремлению остаться «в стороне» от того гордого узла, который завязывается сейчас в Европе, и который, по всем видимостям, будет разрушен мечем. Договариваясь с Германией о том, что для Англии является единственно существующим, консервативное британское правительство тем самым подчеркивает, что оно «умывает руки» в вопросе о тех конфликтах, которые могут разразиться в Восточной Европе. Можно сказать еще больше: разрешая Германии стать морским гегемоном Северной и Восточной Европы при отсутствии «восточного Локарно», Англия тем самым как бы дает гитлеровской Германии индульгенцию для «активной политики» на Востоке.

Италия, продолжая свою традиционную политику двурушничества и двоясь и пользуясь европейскими осложнениями для того, чтобы получить «свободные руки» в Абиссинии, меньше всего сейчас заинтересована в европейской стабилизации и создании прочной системы европейского мира. Заигрывая с Францией в пику Англии, препятствующей ее проникновению в Абиссинию, Италия в то же самое время явно нащупывает какой-то компромисс с Германией в области того конфликта, который наиболее резко разделял до сих пор обе фашистские державы: в области австрийского вопроса. Поспешность, с какой в последнее время австрийское правительство муссолиниевских ставленников Шушнига - Штаремберга восстанавливает «попранные» революцией 1918 г. права Габсбургов; молчание, которое хранит по этому поводу обычно столь многоречивая германская печать, — все это явно свидетельствует о том, что в этом вопросе заключен какой-то компромисс, являющийся определенной победой Муссолини. Реставрация Габсбургов означает практически отмену «аншлюса». И если Гитлер на это идет, то ему по видимому обещана Муссолини какая-то компенсация.

Характер этой компенсации сигнализируется визитом польского министра иностранных дел Бека в Берлин, его многочасовой беседой с Гитлером и другими аксессуарами польско-германского сближения.

После Женевы и Стрезе могло казаться, при всем критическом отношении к «пактомании» советского правительства, что литвино-сталинская политика все же дала какие-то реальные результаты в смысле гарантий

внешней безопасности русской революции. Если-де и не удастся создание всеобъемлющего коллективного пакта разоружения, если Европе суждено распаться на две враждующие военные коалиции, то во всяком случае Советский Союз окажется в составе той коалиции, военное превосходство которой является подавляющим и бесспорным настолько, что отобьет у второй коалиции всякую охоту к рискованным авантюрам.

Последняя эволюция международных отношений показала, что и эти надежды были построены на песке, — если даже подменить вопрос о гарантии мира на основе разоружения стремлением к созданию мощной антигерманской коалиции.

Сталинское правительство, углубляя и усиливая свое самодержавное диктаторство, продолжая политику насилия над крестьянством, подавляя в своей собственной партии все остатки самостоятельной мысли и тем ослабляя внутренние силы сопротивления страны внешней опасности, — все время центр тяжести обороны революции переносила в область внешней политики, договоров, пактов, военных коалиций. Новейшее развитие международных отношений должно показать советскому правительству утопичность его линии. Действительная гарантия безопасности Советского Союза лежит во внутреннем сопротивлении революционным массам, т. е. в степени солидарности их классовых интересов с интересами созданного революцией строя.

Но если задача русского пролетариата заключается в том, чтобы со всей настойчивостью и решительностью указать советскому правительству на необходимость внутренних реформ, примиряющих трудящиеся массы Сов. Союза с режимом и создающих условия для осуществления единого фронта с социалистическим пролетариатом мира, — то рабочий класс европейских государств должен всю свою энергию сейчас направить на осуществление задачи, указанной на майском заседании Исполкома РСИ, — на создание действительного коллективного договора европейских народов на основе разоружения и реальных санкций, направленных против нарушителя мира. В этой борьбе за мир, которая в ходе событий может превратиться в борьбу рабочего класса за власть, особенно ответственное место будет принадлежать рабочему классу Англии. В сознании той ответственности, которая лежит сейчас на стране, держащей в своих руках ключевые позиции европейского мира, английский пролетариат должен будет заставить свои капиталистические классы отказаться от своеобразной политики империализма во имя интересов европейского и всесветного мира.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ НАЛОГ 1935 ГОДА

Сельско-хозяйственный налог играет ничтожную роль в общем государственном бюджете. Это ясно будет из сопоставления двух налогов: налог с оборота (основной косвенный налог советского госбюджета) — должен дать в 1935 году 51,9 миллиарда рублей, а с.-х. налог — 738 млн. рублей.

Точно также очевидно, что обязательные поставки зерна, технических культур, шерсти, мясных, молочных и пр. продуктов по ничтожным ценам являются для крестьянства большим гнетом, чем платежи по с.-х. налогу.

Но с.-х. налог — единственный прямой налог, уплачиваемый крестьянством в денежной форме, и, при ничтожности денежных заработков в современной деревне, ставки этого налога платятся крестьянами с большим напряжением. Особенно потому, что именно этот налог падает главным образом на личные до-

ходы крестьянина-колхозника и крестьянина-единоличника.

Но наиболее существенно социально-политическое значение этого налога. Размеры ставок, характер допускаемых льгот явно служат целям проводимой властью политики и являются, поэтому, хорошим барометром тех тенденций политики, которые в настоящее время властью признаются ударными.

С этой точки зрения изменения, внесенные недавно в положение о с.-х. налоге, следует внимательно рассмотреть.

Все они усиливают основную тенденцию, характерную и для положения о с.-х. налоге 1934 года.

Налоговое благоприятствование колхозам остается в полной мере. В отношении личного хозяйства колхозников — государство широко допускает налоговые льготы, поскольку колхозники ведут свое

усадебное хозяйство в направлении планов центральной власти (животноводство, технические культуры), и в то же самое время осуществляет бдительный контроль за тем, чтобы усадебные хозяйства не сделались очагами частно-хозяйственного накопления деревни. И, наконец, в отношении единоличников — жесточайший налоговой пресс, явно и сознательно рассчитанный на скорейшую ликвидацию этой социальной группировки в советской деревне.

Нажим на единоличников в этом году еще круче, чем в прошлом.

Достаточно указать на то, что, если в прошлом году колхоз должен был уплатить налогу с каждых трех гект. посева зерна — 5,7 руб. *), а единоличник за те же 3 гект. платил 25 руб. налогу, то в 1935 году — колхоз будет платить прежнюю ставку, а единоличник — 36 руб., т. е. почти в 1½ раза больше.

Еще ярче сущность политики власти в отношении колхоза и единоличника проявляется в обложении других объектов сельского хозяйства. Исчисление, сделанное нами, позволяет выразить эти «две меры» цифрами.

Закон установил следующие средние ставки налога в рублях на 1 гект. посева и насаждений:

	Колхозы		Единоличники	
	Годы: 1934 и 35		1934	1935
Картофель	3,7		25	32
Огороды и бахчи	12,5—15,5		53	145
Табак-махорка	7—10		39	60
Сады и ягодники	24		71	145
Виноградники	30		177,5	324

Мы приводим для примера эти ставки для хозяйств РСФСР, но точно так же обстоит дело и в отношении других частей союза. Мы видим, что уже в прошлом году с одного и того же объекта е д и н о л и ч н и к платил в 3-6 раз более высокий налог, чем колхоз, в этом же году ставки для колхоза оставлены те же самые, т. е. признано, что в сельском хозяйстве страны нет объективных оснований для изменения ставок налога, но с.-х. налог для единоличника увеличен вновь в 1½, 2 и даже 3 раза.

Политика поощрения колхозов — в принципе необходимая и правильная — на практике принимает вреднейшие формы.

Весь скот, находящийся у колхоза и колхозника совершенно освобожден от налога. Но налог на скот единоличников в этом году также значительно увеличен.

С каждой лошади, верблюда, мула единоличник должен был в прошлом году платить с.-х. налог, исходя из доходности в 23 рубля, а в 1935 году, исходя из доходности в 120 рублей; с каждой коровы, исходя из доходности — в прошлом году в — 23 руб., а в текущем году в 105 рублей. Такое же увеличение в отношении волов, ослов, овец и коз.

Почему доходность скота единоличников должна за один год увеличиться в 5 раз, остается загадкой советских законодателей! Хозяйственно это никак нельзя объяснить, но совершенно очевидно, что советская власть стремится, чтобы скот из владения единоличников перешел во владение колхозов и колхозников.

Для колхоза ставки с н е з е м л е д е л ь ч е с к и х доходов (лесозаготовки, промысла и пр.) установлены в 3,5-5% с облагаемой части дохода, для единоличника в 15-40% с облагаемой части дохода, при этом в отношении единоличника эта облагаемая часть не-

*) Мы исчисляем по ставкам доходности и размерам налога по РСФСР.

земледельческого дохода повышена в 2½-3 раза по сравнению с прошлым годом.

Тот же принцип проводится и в отношении доходов, получаемых от продажи на рынке с.-хоз. продуктов. Колхоз от этого налога совсем освобожден, единоличник же должен оплачивать 50-75% своего рыночного дохода ставкою в 40%.

Советская власть стремится обложить сельско-хозяйственным налогом все возможные источники дохода единоличника, и в качестве меры универсальной страховки вводит, кроме с.-х. налога, еще так называемое «самообложение». Согласно ставкам этого налога, которому подлежат колхозники и единоличники, первые должны будут уплачивать в 1935 году от 2-9 рублей на хозяйство, а вторые от 40-60% ставок сельхозналога. Хозяйства же так называемых кулаков должны быть «самообложены» двойной ставкой сельхозналога!

Если подсчитать все виды ставок по сельхозналогу и «самообложению», то трудовой единоличник должен будет уплатить при 1.000 рублей годового дохода — 42% налога; при 2.000 рублей годового дохода — свыше 50% налога, а так называемый кулак, при доходе в 3.000 рублей должен будет уплатить 1.200 рублей с.-х. налога и 2.400 рублей «самообложения», т. е. должен уплатить 120% налога.

Наш беглый анализ сельхозналога отчетливо показывает, что при определении его ставок советская власть исходит не из разумного принципа благоприятствования коллективному хозяйству, а из стремления налогом окончательно задушить единоличника, т. е. оно проводит политику «холодного раскулачивания».

Один из пунктов положения прямо говорит, что, если единоличник вступит в колхоз до первого срока уплаты с.-х. налога (1 сентября), то он будет платить налог за 1935 год, как колхозник. Второй путь, на который толкает советская власть единоличника — это поступление главы семьи на постоянную работу, по контракту, в совхоз. В этом случае единоличник и его семья совершенно освобождаются от с.-х. налога.

Очень интересно отношение, которое проявила советская власть при обложении у с а д е б н о г о х о з я й с т в а в а колхозников. Не успели отзвучать те поощрительные речи, которые были произнесены на съезде колхозников-ударников, по поводу усадьбы и личного хозяйства единоличника, как советская власть поторопилась поднять ставки налога на «необщественную часть» хозяйства колхозников. Конечно, и сейчас эти ставки еще очень невелики по сравнению со ставками единоличников, но высшая ставка налога с хозяйства колхозника поднята с 30 руб. в прошлом году до 40 руб. в текущем, доходы же колхозников с кустарно-ремесленных промыслов подняты в этом году на 40-80% по сравнению с прошлым годом.

Льготы в отношении скота колхозникам сохранены в полной мере.

Такова гамма отношения советской власти к различным социальным группировкам деревни в налоговом предрешении.

А. Югов.

Контора «Соц. Вестника» просит лиц, имеющих лишние № № журнала «Соц. Вестник» за годы 1921-1932, предоставить их в распоряжение конторы бесплатно или же за небольшую плату. Расходы по пересылке будут оплачены конторой.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ КОМСОМОЛА

Будущий историк русской революции уделит большое внимание смене поколений, происшедшей при переходе от нэп'а к генеральной линии. Он установит, что Сталин связал свою политику с младшим поколением революции, поставив ставку на элементы неустроенные, рвущиеся к образованию, к изучению какой-нибудь профессии и к завоеванию позиций в обществе. Но и современникам вряд ли приходится доказывать, что начало пятилетки было одновременно началом конца «старой гвардии» большевистской партии. Такие факты, как исчезновение с политической арены наиболее ярких имен былых подпольщиков, как ликвидация общества старых большевиков и общества бывших политкаторжан говорят достаточно красноречиво сами за себя. Сейчас гораздо важнее попытаться проследить судьбу новых людей, вышедших на гребне сдвигов последних лет. Их судьба определяет в значительной мере судьбу русской революции.

Они пришли с самых различных сторон. Среди них имеются и бывшие крестьяне, и рабочие, и служащие, и выходцы из буржуазной среды. Но все они обязаны своим положением в пореволюционном обществе первой пятилетке. Подлинной революцией для них является период генеральной линии; об Октябре они вспоминают, как об эпизоде доисторическом. Сталин для них действительно «родной и великий», по отношению к которому они преисполнены чувств, нашедших, хотя и карикатурное, но оттого не менее характерное выражение в раболопной речи Авдеенко на последнем съезде советов. Своего положения в обществе новые люди добивались огромными жертвами. Это они работали, не покладая рук, на всевозможных стройках; это они голодали в высших учебных заведениях, добиваясь диплома; это они вынесли на своих плечах так наз. социалистическое соревнование, не досыпая ночей и довольствуясь мизерным вознаграждением. В результате они вышли в люди и хотят пожать плоды своих трудов; они начинают смотреть на жизнь другими глазами и искать в ней новые цели.

Поэтому жизнь страны находится в состоянии брожения. Складываются новые социальные группировки, распространяется новое мироощущение. Процессом трансформации охвачены также и приводные ремни большевистской диктатуры: ВКП, профессиональные союзы и КСМ. Многие еще не устоялось, печать неопределенности лежит на различных проектах. Все-же одна характерная черта бросается в глаза: попытка видоизменить страну соответственно вкусам влиятельной прослойки, вынесшей на себе политику генеральной линии. До поры до времени советский диктатор держит курс на установление возможно более тесной связи с поколением, так сказать, пользователей Октября.

КСМ, больше чем какая-либо другая организация, нуждается в обновлении. За последние годы союз целиком и без остатка был поставлен на службу пятилетке. Объединяя в своих рядах большую часть как раз тех элементов, которые явились исполнителями грандиозных планов, КСМ по праву занял одно из первых мест в иерархии советского государства. Если в период нэп'а к голосу КСМ только прислушивались, то в эпоху генеральной линии на союз стали серьезно оглядываться, считаясь с его высказываниями, пожалуй, не меньше, чем с высказываниями «взрослой» партии. Конечно, политика генеральной линии не была политикой «класса» молодежи, направленной против «класса взрослых». Но точно так же, как немыслима была бы победа Красной Армии в гражданской войне без политруков и политкомов, так же немыслим был бы успех пятилетки без участия КСМ и миллионов масс молодежи. Тем

более разительно, что, тщательно подготовленное и недавно вступившее в силу, «постановление о перестройке работы КСМ» лишает союз его первенствующей роли в советском государстве.

Отныне организация молодежи запрещается заниматься вопросами осуществления производственных планов. Деятельность союза переводится на культурно-воспитательные рельсы. Усердие КСМ оказывается не к стати, когда речь идет о том, чтобы попытаться ввести жизнь в нормальное русло. На такой нормализации настаивают как раз те элементы, которые еще некоторое время тому назад, так сказать, «штурмовали небеса». Теперь они сами стали ответственными руководителями всевозможных учреждений и предприятий, сами исполняют обязанности врачей, инженеров, агрономов, мастеров и т. п. Наскоки безусых мальчишек, вносящие элемент неопределенности в их положение, им не по душе. И, забыв о собственном поведении в сравнительно недавнее время, они посылают комсомольцев «грызть молодыми зубами гранит науки» и запрещают им совать нос не в свои дела. Так меняется психология одной и той же социальной группы в процессе изменения функций, выполняемых ею в процессе общественной жизни. Как бы выступая рупором этой группы, Косарев в речи, поясняющей смысл постановления о реорганизации, воздав, правда, должное прошлому («Наш прошлый этап не осуждается партией и т. Сталиным, а, наоборот, одобряется») и показав, что все течет и все изменяется, сообщил своим товарищам по ЦК КСМ, что: «указания т. Сталина и решения ЦК ВКП определили центральную задачу участия КСМ в социалистическом строительстве на данном этапе, как задаче воспитания молодежи и детей в коммунистическом духе и организации их вокруг советской власти» (Комс. Правда, 28 июня).

Оттеснение КСМ от большой политики (запрещение заниматься проблемами промышленного и сельскохозяйственного производства ничем иным и не является) сопровождается организационной реформой, заслуживающей самого пристального внимания. Пояснительная речь Косарева о реорганизации кладет начало превращению КСМ — и в формальном отношении — из союза молодежи в союз для молодежи. Только этот смысл может иметь следующее заявление Косарева: «Не обязательно, — указал нам т. Сталин, — чтобы в КСМ работали только комсомольцы. Дело это первой государственной важности, поэтому необходимо привлечь к руководящей работе по воспитанию молодежи проверенные квалифицированные кадры нашей партии. С их помощью весь актив ленинского КСМ должен овладеть огромным опытом организации и воспитания масс, какой накопила большевистская партия». В том же направлении идет предложение ЦК КСМ выделять на пионерскую работу комсомольцев не моложе 20 лет. Недоверие к молодежи настолько велико, что господствующая партия не решается поручить руководство КСМ работникам, хотя и проверенным на союзной работе, но по своему возрасту подверженным влиянию «опасных» настроений.

О том, что в действительности происходит в умах наиболее развитых комсомольцев, известно мало. Также мало известно, как переживают линиями советской власти те элементы союза, которые искренне увлекались идеей «построения социализма в одной стране». Что различные мероприятия вызывают протест, догадаться не трудно. Что такой протест порождает чувство возмущения, находя порой чрезвычайно резкие формы проявления, после дела об убийстве Кирова сомневаться невозможно. Наконец, что подобные настро-

ения получают довольно широкое распространение, косвенно подтверждает «Комс. Правда», которая сочла нужным в передовице от 14-го июня специально подчеркнуть отрицательное отношение марксизма к террору. К вопросу же о терроре в тех же выражениях, что и «Комс. Правда», возвращается в своей, неоднократно цитированной нами речи Косарев: «Необходимо разъяснить молодежи, что марксизм вырос и окреп у нас в борьбе с народничеством, как злейшим врагом марксизма, как сторонником индивидуального террора, исключая организацию массовой партии...» (подчеркнуто нами. — Б. С.).

Господствующая партия прекрасно отдает себе отчет в том, как неблагоприятен участок фронта, именуемый «молодежь». Еще задолго до принятия решения о реорганизации союза «Комс. Правда» писала (29 марта): «Не все молодые люди нашей страны могут оценить все величие нашей современности, понять действительную цену наших завоеваний, потому что не знают мрачного дореволюционного прошлого... Нет такой ласки и клеветы, которую бы эти бывшие люди (остатки умирающих классов. — Б. С.) не возвели на советскую власть и вокруг которой не пытались бы организовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий: с.-р., меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут зажить и зашевелиться осколки контр-революционных оппозиционных элементов и трокистов и правых уклонистов».

Проводимая реорганизация распространяется и на методы работы Союза. При помощи новых методов работы авторы реорганизации предполагают компенсировать отгеснение КСМ на задворки политики сближением союзной массы с аппаратом диктатуры, представленным союзной организацией. Почва, на которой должно со-

стояться подобное сближение — удовлетворение материальных нужд, устранение бытовых «неполадок» и помощь в разрешении вопросов, волнующих молодежь, в том числе и вопросов интимно-личного порядка. Отсюда обостренный интерес КСМ к вопросам семьи, брака, любви, к работе среди девушек и детей. На актив союза возлагается задача стать буквально наперстником подрастающего поколения. Идеальный комсорг, образ которого рисует «Комс. Правда» (26-го июня), следит за успешностью занятий членов группы, дает советы своему влюбленному товарищу, как сочетать личное с общественным, помогает комсомолке, брошенной мужем и т. д.

Естественно, что комсомольские ловцы душ не смогут больше применять приемов окрика и командования. Им придется усвоить более тонкий подход к своей пастве. Поэтому «Комс. Правда» ведет кампанию против держимордства секретарей комитетов, бесконтрольно творящих суд и расправу над членами организации. Благодаря этой кампании, мы узнаем вопиющие факты, являющиеся, очевидно, достаточно типичными для русской жизни, и ярко характеризующие незащищенность рядового обывателя.

Самый характер КСМ должен измениться, если союз хочет привлечь к себе массы и иметь возможность следить за совершающимися в них процессами. Отсюда вытекает извечная проблема «внутрисоюзной демократии». Эта «демократия» ничего общего не имеет с подлинной демократией. Речь идет лишь о перемене метода подхода к массам при сохранении в полной неприкосновенности существа системы. Имеется какая-то закономерность во внутренней политике советской власти. Всякий раз, когда линия напора сменяется отступлением (напр., военный коммунизм нэпом, генеральная линия — неонэпом), господствующая партия, не зная точно,

АМЕРИКА В 1935 ГОДУ

II.

Развитие рабочего движения в Америке все время шло крайне своеобразным путем. В странах Старого света, даже самых свободных, рабочий класс с самого начала был не только социально угнетенным, но и политически бесправным, и свою борьбу за экономические улучшения, за социальные реформы даже в рамках капитализма вынужден был связывать с борьбой за политическое равноправие и демократические реформы. В Америке-же миллионные массы рабочих-иммигрантов, вливавшихся мощным потоком из самых разнообразных стран в широко раскрытые ворота гостеприимной республики, находили там такую степень политической свободы и политической демократии, о которой они и не смели мечтать в своем старом отечестве. В странах Европы приходилось самые элементарные права человека и гражданина брать с бою и отвоевывать упорной и тяжелой борьбой; в Соед. Штатах политические права и свобода являлись как бы подарком неба, само собою разумеющимся приложением к тому, по европейским понятиям необычайно высокому уровню жизни, который Америка давала своим новым сынам. Классовое сознание, которое создавалось и назревало в пролетарских массах Европы в процессе социальной и политической борьбы, питалось там не только необходимостью завоевывать силой политические права, но и тем духом сословного и кастового разделения, которым было проникнуто европейское общество, — представлением, что существуют классы низшие и высшие, кость белая и черная. При этом пролетариат не только в представлении высших классов, но и в своем собственном

мироощущении, причислялся к низшим, неравноценным, «простонародным» слоям. В плебейско-демократической республике Соед. Штатов не было кастовых и сословных перегородок, не было представления о голубой крови и черном народе. Единственной социальной религией, выросшей на американской почве, — был культ доллара. Но в этом отношении хорошо зарабатывающий рабочий ничем не был ниже лавочника или даже инженера, торгового агента, поскольку его текущий счет был не ниже, чем у последних.

В то же время десятилетия неслыханного экономического подъема, лишь на короткое время прерывавшегося встрясками кризиса, создали в широких слоях американских рабочих представление о почти неограниченных возможностях для энергичного и дельного человека «сделать жизнь» в этой золотой стране преуспевания и растущего богатства. Уровень жизни повышался в размерах и темпах, невиданных в Европе. Каждый рабочий мог в своем собственном окружении насчитать не один случай, когда люди его круга добивались богатства и почета, каждый рабочий теоретически (и психологически!) носил в своем инструментальном ящике чековую книжку потенциального миллионера.

Все это вместе взятое в чрезвычайно сильной степени затрудняло образования классовой психологии и классового движения по образцу и подобию европейских стран. Лишь относительно небольшие группы иммигрантов, прибывших из стран с сильно развитым рабочим движением, привозили с собой из этих стран навыки, рефлексии и фразеологию социалистического движения, выросшего в совершенно иных условиях. Эти

в каком направлении ей двигаться, как бы прикладывает ухо к земле и прислушивается к биению пульса народной жизни. Расширение прав членов КСМ, внедрение «внутрисоюзной демократии» есть не что иное, как попытка создать условия, которые облегчили бы союзу возможность впитывать в себя пожелания масс. Продолжая практику, сложившуюся за последние годы, союз сознательно закрыл бы себе доступ к пониманию настроения масс.

Невольно возникает вопрос, удастся ли руководителям КСМ преобразовать союз в соответствии с инструкциями, полученными ими от господствующей партии. Говоря отвлеченно, трудно указать препятствия, которые сделали бы планы этой реорганизации неосуществимыми. Но это при условии, что нормализация жизни в стране (в том специфическом смысле этого слова, в каком оно было употреблено в начале статьи) станет фактом. А это в свою очередь предполагает выяснение в совершенно определенном смысле отношений между поколением «использователей Октября» и революцией. Всякий раз, когда носители определенного фазиса революции перестают быть революционерами — люди в революции изнашиваются быстро! — всплывает роковой вопрос: кто-кого? Революция ли отбросит в сторону своих бывших носителей или эти бывшие носители оседлают революцию? Такая проблема стоит сейчас перед Советской Россией.

Несмотря на видимые успехи «использователей Октября» еще рано предсказывать развязку созревающего конфликта. Сталинская клика, ориентирующаяся до сих пор на людей, вынесенных генеральной линией, во все не склонна признать их своими законными наследниками. В плане реорганизации КСМ не трудно заметить элементы, направленные на укрепление позиций выс-

шей партийной бюрократии, не переставшей, несмотря на громадную эволюцию, представлять — хоть и в искаженных формах — великую русскую революцию. В направлении укрепления позиций диктаторствующей верхушки идут все мероприятия, — а их немало, — ставящие себе целью упредить аппарат КСМ, выковать надежные кадры, пропитать союзную массу старой большевистской идеологией.

План реорганизации союза, проводимый ныне в жизнь, вводит и КСМ в орбиту антагонизмов между силами, борющимися за власть в России. Вряд ли целесообразно прибегать к помощи исторических аналогий. Слишком различна обстановка нашей революции и французской революции 1789 г., слишком многое зависит от того, как сложатся внешнеполитические условия. Остается лишь внимательно следить за развитием хода событий с тем, чтобы всегда быть готовым к активному вмешательству.

Б. Сапир.

Международная Организация Труда и Советский Союз

Уж не Гамлет ли восстал из гроба, чтобы руководить политикой Советского Союза в отношении Международной Организации Труда? Трудно даже и представить себе большую степень нерешительности, чем проявляет в этом вопросе советское правительство.

Почти полтора десятка лет Международная Организация Труда (МОТ) и особенно ее основной и постоянный орган — Международное Бюро Труда (МБТ) представлялись из московского далека наиболее закончен-

малочисленные группы в основном и представляли собою то, что являлось в Америке «социалистическим движением». Лет пятьдесят тому назад то были немецкие рабочие-социалисты, покинувшие Германию под влиянием «Закона о социалистах». После революции 1905 года их место заняли еврейские, польские, финские и иные выходцы из России. Им часто удавалось увлечь за собою и часть местных рабочих, но при тех социально-политических и психологических предпосылках, о которых мы писали выше, этим чужестранным островкам никогда не удавалось разрастись в действительно широкое массовое движение.

Единственная область, в которой европейские идеи социальной борьбы успели привиться в Америке, была область профессионального движения. Но это движение, действительно охватившее миллионы (в Американскую Федерацию Труда в эпоху наивысшего подъема входило 6 миллионов членов), никогда не была классово-социалистическим, подобно «свободным профсоюзам» Германии или даже многим тред-юнионам Англии. То были цеховые, замкнутые организации, ставившие себе исключительно узко-практические профессиональные задачи без всякой связи с более широким классовым мировоззрением. Руководимые грубо-практическими и оппортунистическими соображениями в области чисто профессиональной, американские профсоюзы, как правило, за редкими исключениями, не ставили себе никаких политических задач и в области политики руководились своеобразным принципом «наибольшего благоприятствования», особенно ярко сформулированным Гемперсом: они отдавали свою поддержку той из двух буржуазных партий, которая им в данный момент обещала наибольшие (с точки зрения профессиональной) выгоды.

Проблема социалистического движения в Америке уже давно занимает социалистических теоретиков. Еще в 1886 году Энгельс в одном из своих писем к Зорге указывал, что одной из причин неуспеха германских социалистов в Америке является то, что они плохие, слишком догматические и доктринерские марксисты. Но дело было, конечно, не только в субъективных ошибках тех или иных групп пропагандистов и агитаторов, пытавшихся внедрить учение социализма в широкие массы пролетариата Америки. Благодаря указанным выше специфическим особенностям общественно-политического развития Соед. Штатов, эволюция классовых отношений шла здесь по совершенно иной линии. Как правильно замечает В. Ф. Кальвертон в майском номере «Скрибнерс Мэгэзин», в области социально-экономических отношений борьба и в Америке шла между трудом и капиталом, — за долю прибавочного продукта, за количество часов работы и т. п. Но эта борьба шла особняком от политических классовых взаимоотношений: тут фронт борьбы проходил (вплоть до самых последних годов) не по водоразделу, отделявшему пролетариат от всех капиталистических классов, а по линии, проходившей через самые имущие классы, отделяя средние и низшие слои (мелкую буржуазию, фермеров) от высших. По своей психологии и по своим традициям рабочие Америки политически растворялись в общей массе низших и средних слоев. Их идеологией в течение всего 19-го века являлась та разновидность мелкобуржуазного радикализма, которая называется «популизмом». Но среди десятков миллионов людей, социально принадлежавших к категории наемного труда, социалистическому авангарду, несмотря на свое иностранное происхождение и отсутствие глубоких корней, все же удавалось время от времени находить известный отклик. Незадолго до мировой войны социалистической

ным выражением ненавистной политики «сотрудничества классов». Иное отношение европейских профсоюзов к МБТ было, как известно, одним из основных аргументов для международного раскола профдвижения: уже при самом зарождении Профинтерна одной из главных задач его была объявлена «решительная борьба против МБТ при Лиге Наций». И даже когда через пять лет от первоначальной полу-синдикалистской, примитивно-«революционной» концепции Профинтерна почти ничего не осталось, и Профинтерн выступил (в начале 1926 г.) с новой «программой действий», почти во всех своих основных частях означавшей плохо прикрытое идеологическое отступление перед «амстердамским» профдвижением*), в одном пункте руководители Профинтерна остались верны себе: «борьба против Лиги Наций и против орудия классового сотрудничества — МБТ» должна была продолжаться с неизменной энергией.

Прошли годы, и отношение руководящих коммунистических кругов к Лиге Наций переменялось: из оплота «международных разбойников» Лига Наций превратилась в одно из «орудий мира». Начиная с января представитель СССР (Маркус) уже участвует в сессиях Административного Совета МБТ, сначала в качестве наблюдателя, а затем (с апреля) в качестве полноправного члена.

Но вот в начале июня собралась в Женеве Международная Конференция Труда, играющая в МОТ роль общего собрания. В порядке дня конференции стоял ряд вопросов большой важности для рабочего класса. Некоторые из этих вопросов в последнее время привлекают

*) Еще совсем недавно я имел случай подробно осветить этот поворот Профинтерна в статье «За единство профдвижения», «Соц. Вест.», № 9/10 за текущий год.

внимание широких рабочих масс Европы и Америки. В частности во многих странах велась в последние месяцы интенсивная кампания по сбору подписей под обращенной к конференции «петицией», посвященной мерам борьбы с безработицей молодежи. В кампании этой очень активное участие, наряду с социалистическими и «христианскими» рабочими организациями, приняли и компартии и «красные» профсоюзы (во Франции им даже принадлежала инициатива этой «петиционной кампании»). В рабочих кругах Запада с интересом ждали появления на конференции представителей СССР и кое-где связывали с предстоящим появлением на Женевской конференции советских делегатов надежду на сближение русских профсоюзов с Международной Федерацией Профсоюзов. Но руководители советской социальной политики и советского профдвижения остались верны своей половинчатой политике — полу-утверждения, полу-отрицания, полу-отсутствия, полу-присутствия. Представителей советских профсоюзов на конференции вовсе не было. СССР был представлен одним лишь Маркусом в качестве представителя советского правительства. Да и тот, повидимому, не знал, что с собой де-

лать. Перед тем как перейти к конференции, надо однако вкратце остановиться на общем характере, структуре и задачах МОТ, о которой наши читатели в Советском Союзе имеют, вероятно, лишь очень смутные представления.

МОТ была задумана в качестве специального органа в рамках общей организации Лиги Наций. О самостоятельной принадлежности к МОТ сначала даже и не думали: принадлежность к Лиге Наций автоматически влечет за собой принадлежность и к МОТ, и этим вопрос,

партии Америки удалось вырости в довольно внушительную величину. Политический и идейный кризис, связанный с войной, разбил многообещающее движение. Новый под'ем движения начался в эпоху ликвидации войны под влиянием революций в России и в Центральной Европе. Но и этот под'ем был сорван, на этот раз, коммунистическим расколом, внесенным в Америку извне, стараниями Коммунистического Интернационала. С тех пор мы имеем в Соед. Штатах две рабочие партии: коммунистическую и социалистическую, тщетно пытающиеся выйти за пределы небольших, по американским понятиям, групп. Социалистическая партия насчитывала до последнего времени немногим больше 20.000 членов и собрала на последних президентских выборах около миллиона голосов. Организация коммунистической партии еще меньше социалистической, а ее избирательные резервы на последних выборах не превышают полумиллиона.

Последний кризис и связанные с ним изменения в экономических и социальных соотношениях классов сильно изменили традиционную обстановку в американском пролетариате. Прежней наивно-оптимистической психологии «неограниченных возможностей» нанесен непоправимый удар. Все прежние теории о невмешательстве государства во взаимоотношения между трудом и капиталом, о ненужности социального страхования, о неприложимости к Америке европейских законов развития и т. п., казавшиеся неопровержимыми аксиомами, нынче потерпели крушение. Пошатнулась идеология американской мелкой буржуазии, и вместе с тем, хотя и с некоторым запозданием, стал намечаться идейно-психологический кризис и в рабочих массах, житейски и обывательски так тесно связанных с мелко-буржуаз-

ной средой. И если еще и сейчас нельзя говорить о возникновении классового сознания в европейском смысле слова, то в прежнем идеологическом консерватизме уже пробита брешь, и создалась, может быть, некоторая основа для проникновения в среду пролетариата идей, дотоле считавшихся «неамериканскими»*).

Впервые в истории Америки создается, таким образом, массовая база для социалистической деятельности среди пролетариата.

К сожалению, внутреннее состояние социалистического движения в Америке не позволяет надеяться на то, что этот исторический шанс будет должным образом использован теми элементами социалистического авангарда, которые в Соед. Штатах уже имеются с давних пор.

Уже одна наличность раскола и острой борьбы между коммунизмом и социализмом в значительной степени подрывает пропагандистскую силу идей социализма в Америке, где приходится иметь дело с политически неискрушенной человеческой «новью», теряющейся перед лицом двух столь различных концепций социализма. Но еще более сильным тормазом для пропагандистских успехов социализма в этой девственной стране является тот внутренний разброд, который за последние 2-3 года наблюдается в Соц. Партии Америки.

Нам приходилось уже в «С. В.» освещать внутреннюю фракционную борьбу среди американских социалистов («С. В.», № 14, 1934). Процессы радикализации, начав-

*) Этому в значительной мере способствовала фактически политика Рузвельта, давшая толчок к классовой самостоятельности, вовгнавшая широкие слои рабочих в профсоюзы, заинтересовавшая последние, а через них и массы, в известном контроле над производством.

казалось, исчерпывается. Но уже осенью 1919 г. в МОТ были приняты Германия и Австрия, не входившие еще тогда в Лигу Наций. А позже был создан и еще один прецедент: выход из состава Лиги Наций без выхода из МОТ (Бразилия, Япония). В 1934 г., наконец, вступили в МОТ и Соединенные Штаты Америки, до сих пор остающиеся вне Лиги Наций. Словом, уже по составу государств-членов, входящих в МОТ, организация эта сохраняет известную самостоятельность по отношению к Лиге Наций, охватывает большее, чем Лига Наций, количество государств и является как бы своеобразной социально-политической Лигой Наций.

Гораздо важнее однако глубокие принципиальные различия во внутренней структуре МОТ и Лиги Наций. Во всех органах Лиги Наций представлены лишь правительства объединяемых Лигой стран. Общее собрание Лиги Наций, не говоря уже о ее Совете, это поэтому совершенно неизбежно собрание дипломатов. Совсем иной характер носит Международная Конференция Труда: она состоит лишь наполовину из представителей правительств; вторую половину ее составляют — в равном числе — представители рабочих и работодателей. Правда, и представители рабочих и работодателей назначаются правительствами; но правительства обязаны (и Международная Конференция Труда строго следит за этим) назначать этих представителей «в согласии с решающими профессиональными организациями» (рабочих и работодателей). За немногими исключениями представители рабочих и работодателей являются поэтому подлинными представителями обеих социальных групп. Делегаты правительств, рабочих и работодателей образуют на Конференции самостоятельные группы, которые, как груп-

пы, избирают своих представителей во все комиссии, образуемые на Конференции, а делегаты рабочих и работодателей и в Административный Совет МБТ. А это оказывает определяющее влияние на всю работу МОТ. Она в гораздо большей степени, чем Л. Н., напоминает международный парламент, в котором сталкиваются не интересы государств, а интересы социальных классов, и который поэтому в гораздо большей степени, чем это доступно для конференции дипломатов, может влиять на международное общественное мнение.

Административный Совет МБТ образуется по тому же принципу, что и Международная Конференция Труда: наполовину из представителей правительств (16 государств), на четверть из представителей рабочих и на четверть из представителей работодателей. Так как представители рабочих в Административном Совете МБТ (как соответственно и представители работодателей) избираются рабочей группой на Международной Конференции, то в их лице создается постоянное компетентное международное представительство организованного пролетариата в МОТ, и пред рабочим классом открывается возможность постоянного и систематического влияния на деятельность МБТ. Правда, такая же возможность открывается формально и пред работодателями. Но международная солидарность рабочих гораздо глубже международной солидарности работодателей, и рабочим идет в МОТ на пользу еще и тот факт, что они заинтересованы в расширении и углублении деятельности МОТ, в развитии международной и национальной социальной политики, что отвечает естественным тенденциям развития МОТ; между тем как работодатели заинтересованы в обратном. В какой мере это возможное влияние рабочих становится реальным, зависит от

шился в связи с кризисом, проявились, как я уже указал в своей первой статье («С. В.» № 10, 1935), прежде всего в среде интеллигенции и учащейся молодежи. Эти круги явились и в Соц. Партии застрельщиком нового курса, пионерами новых исканий. Но при этом чрезвычайно любопытно, что искания эти, возглавляемые преимущественно академически-образованными интеллигентами коренного англо-саксонского происхождения (проф. Кругер, Норман Томас, Кларенс Синьор, проф. Кулидж и др.) пошли по тому пути, который в основном совпадает с левизной ортодоксально-европейского типа, и в котором очень мало отражается специфически американская обстановка. В стране, где очередной задачей является отнюдь не завоевание власти для пролетариата, а разве только еще завоевание первой сотни тысяч пролетариев для социализма; в стране, где речь идет и не об участии во власти, а пока лишь только о проведении первого депутата в парламент, — левая не нашла более актуального лозунга, как антикоалиционизм или анти-реформизм классическо-европейского типа. Но не менее характерна для недостаточной почвенности американской партии и позиция, занятая правым крылом в борьбе против левых «революционеров». Крыло это, представленное преимущественно рабочими и полн-рабочими элементами и «языковыми» федерациями (еврейской, финской и т. п.) восточных, иммигрантских штатов, стало на защиту своеобразного консерватизма. В стране, где жизнь или смерть социалистического движения зависит от того, удастся ли оторвать рабочие массы от традиционных буржуазных партий, удастся ли или нет пробить брешь в гигантской политической инертности масс, прикованных к могущественным партийным аппаратам республиканцев или демократов, — в такой стране правое крыло не нашло более действенного боевого лозунга, как знамя беском-

промисного политического демократизма. Некритически заимствованным из европейского политического словаря лозунгам левых правые противопоставили столь же некритически перенятые у шведов или датчан лозунги стопроцентного парламентского реформизма или демократизма в духе Каутского.

Когда левым на Детройтском съезде 1934 г. удалось, опираясь на охватившее широкие слои партии настроение «искательства», провести новую «платформу действия» («Декларацию Принципов») в которой в очень неудачной и спорной форме был введен ряд мыслей лево-центристского (в европейском смысле) направления, то правое крыло («старая гвардия»), обнимающее несколько меньшую половину партии, вместо того, чтобы по-марксистски уяснить себе происхождение той идеологической тревоги, которая охватила известные слои партии, и разумной политикой компромисса сгладить назревающие противоречия, воспитать и использовать в интересах партии те безусловно ценные молодые силы, которые имеются на левой стороне, — проявило чрезвычайную нервозность и нетерпимость. Отечество было объявлено в опасности, всякое искание компромисса было объявлено изменой демократическому социализму. Идеинная борьба очень быстро перешла в организационную, тем более, что победившее на референдуме левое крыло поспешило организационно «закрепить» свою победу.

Партия фактически разделилась на две организованные фракции. Лишенные партийных традиций, обуреваемые жадной активностью, упоенные только что «открытыми» ими революционными истинами, подхлестываемые коммунистическими оппозиционерами, влившимися в Соц. Партию для своих фракционных целей (а может

степени социально-политической активности рабочих масс на международной арене и в национальных рамках, от степени интереса их к МОТ и от степени энергии и настойчивости рабочих представителей в «социально-политической Лиге Наций».

Создание в 1919 г. МОТ означало осуществление давнишнего требования рабочего класса. И тем не менее вскоре после возникновения этой организации в рабочих массах начало сказываться известное разочарование по отношению к МОТ. Чем оно было вызвано?

Первые годы после войны были годами чрезвычайно под'ема массового рабочего движения. Миллионы рабочих, оставшиеся до сих пор в стороне от организованного рабочего движения, впервые пробудились для борьбы. Вместе с бурной и нетерпеливой энергией они принесли с собой в рабочее движение множество иллюзий, оказавших значительное влияние на рабочее движение этого периода. Одной из таких иллюзий было широко распространенное в эти годы в рабочих массах представление, будто путем нескольких постановлений той или иной международной конференции можно разрешить важнейшие вопросы социальной политики для всего мира или по крайней мере для стран европейско-американской культуры. В частности, таким путем должны были быть обеспечены 8-часовой рабочий день, страхование на случай безработицы, широкая охрана труда женщин и подростков и пр., и рабочий класс должен был быть освобожден, таким обр., от необходимости упорной борьбы в каждой отдельной стране добиваться осуществления этих требований.

За этой иллюзией (кстати, крайней реформистской иллюзией в подлинном смысле этого слова) неизбежно должно было последовать известное разочара-

вать, как утверждают правые на основании заявлений, сделанных коммунистическим секретарем Броудером, и планомерно - организованными комячейками) левые во главе с молодежью (У. Р. С. Л.) повели энергичное наступление против «стариков, закосневших на устаревших позициях», за снятие их с постов, за завоевание всех руководящих органов в восточных штатах, прежде всего в Нью-Йорке. (Одним из таранов, при помощи которых левые надеются пробить брешь в укреплениях правых — это требование понизить вступительный возраст в партию с 20 до 18 лет). Правые, в ответ на это, призывают своих сторонников защищать от вандалов, молокососов, не имеющих никакого партийного прошлого, все то, что с таким трудом было создано целыми поколениями социалистических пионеров. Они указывают на то, что в левом крыле очень сильно представлены неустойчивые и «летучие» элементы, которые сегодня здесь, а завтра неизвестно где будут; что передать в руки таких элементов судьбы партии значило бы поставить на карту самое ее существование.

Фракционная борьба, обостренная неизбежными в таких случаях личными столкновениями, приняла, к сожалению, чрезвычайно острую форму, приведшую партию на грань раскола. И в шумихе этой борьбы постепенно утерялось действительное политическое содержание того спора, который разделяет ряды наших американских друзей. той проблемы, которая является сейчас единственно жизненной для американского социализма: как найти в новой обстановке путь к сердцам миллионов пролетариев, сдвинутых кризисом со своих старых «популистских» позиций? Как построить в Соедин. Штатах, наряду с двумя мощными капиталистическими партиями, «третью силу», силу организованного и осознавшего себя рабочего класса? **Р. Абрамович.**

ровании по отношению к МОТ. МОТ не может заменить классовую борьбу пролетариата, не может освободить рабочий класс от необходимости вести в каждой отдельной стране и на международной арене упорную борьбу за осуществление его социально - политических требований. Она может играть лишь немаловажную в сп о м о г а т е л ь н у ю роль в социально-политическом развитии, роль тем более значительную, чем активнее будет интерес к МОТ в рядах рабочего класса.

В центре внимания заседавшей с 4-го по 25-ое июня Международной Конференции Труда стояли вопросы борьбы с безработицей молодежи и введения 40-часовой рабочей недели *). В связи с обсуждением Конференцией первой группы вопросов были заслушаны многочисленные делегации различных молодежных организаций с секретарем Социалистического Интернационала Молодежи, О л л е н г а у е р о м, и секретарем французского Союза Коммунистической Молодежи, Р а й м о н д о м Г ю й о, во главе. Одновременно в Женеве происходила счесь внушительная международная манифестация молодежных организаций в защиту выдвинутых молодежью требований. Вся рабочая печать и даже немалая часть буржуазной печати подробно сообщили об этих событиях. В частности и парижское коммунистическое «Юманитэ» уделило им много внимания и энергично поддержало женевскую молодежную акцию. И только советская печать не проронила об этих событиях ни слова. — Конференция единогласно высказалась за повышение возраста обязательного школьного обучения до 15-ти лет и за ряд мер по оказанию помощи безработной молодежи, по повышению ее профессионального образования, по организации поиска работы и пр.

По вопросу о 40-часовой рабочей неделе дело дошло до острого конфликта между работодателями и Конференцией в целом. Стремясь помешать принятию Конференцией постановления, рекомендующего введение 40-часовой рабочей недели, работодатели отказались послать своих представителей в комиссию, которая должна была выработать проект соответственного постановления, что вызвало резкий отпор не только со стороны рабочих, но и со стороны ряда представителей правительства, упрекавших работодателей в «саботаже», в нарушении правил «честной игры», в нелояльности и т. п. Несмотря на сопротивление со стороны громадного большинства работодателей, Конференция 79 голосами против 30 приняла проект международной конвенции с принципиальным признанием 40-часовой рабочей недели «без понижения жизненного уровня трудящихся».

При голосовании этого постановления делегат СССР впервые нарушил обет пассивности. До того он лишь однажды выступил в прениях по отчетному докладу директора МБТ, но и то лишь для того, чтобы — в сущности вне прямой связи с докладом директора — обрисовать в розовых красках социально - политическое законодательство СССР. Помимо этого никакого участия ни в прениях, ни в голосованиях делегат СССР не принимал. Но по вопросу о 40-часовой рабочей неделе молчать уже было невозможно. И Маркус взял слово, чтобы подчеркнуть, что «в виде крайнего исключения» он примет участие в голосовании и подаст свой голос за 40-часовую рабочую неделю, несмотря на то, что постановление его не удовлетворяет по ряду соображений,

*) Кроме того Конференция обсуждала вопросы о законодательной нормировке отпусков, о запрещении труда женщин под землей, о сохранении права на обеспечение по случаю ирвалитности и старости при переезде из одной страны в другую, об охране интересов труда в условиях вербовки рабочих в колониях и др.

из которых главных два: во-первых, потому, что предложенное постановление не приводит к «непосредственному и действительному сокращению рабочего времени» (делегат СССР, повидимому, до сих пор находится во власти крайней реформистской иллюзии о возможности вотумом международной конференции «непосредственно» обеспечить сокращение рабочего времени); во-вторых, потому, что оно ограничивается введением 40-часовой рабочей недели и не вводит 7-часового дня по советскому образцу (Маркус, повидимому, не отдает себе отчета в том, что даже и чисто количественно введение 40-часовой рабочей недели, т. е. 40 часов работы в течение промежутка времени в 7 дней, означает более далеко идущее ограничение рабочего времени, чем это практикуется в Советском Союзе при 7-мичасовом рабочем дне и так наз. «пятидневке», т. е. при 35 часах работы в течение 6 дней *). — Аргументация Маркуса была мало удачной, но самый факт участия его в голосовании встретил в рабочих кругах Конференции всеобщее одобрение, как первый признак пробуждения у делегата СССР сознания лежащей на нем международной ответственности.

Увы, и об этом голосовании, ни даже о первом выступлении Маркуса русские рабочие так-таки ничего и не узнали, как и вообще советская печать совершенно замолчала Конференцию. «Труд» еще как-то поместил две незначительные и в сущности случайные телеграммы о Конференции (6-го и 10-го июня). Но в других газетах и в частности в «Правде» не было о Конференции ни слова. Это был заговор молчания, продиктованный косностью мысли и неспособностью принять какое-либо определенное решение.

Эта страусова политика лишает Советский Союз и тем более его рабочий класс всякой возможности оказать какое-либо активное влияние на международное социально - политическое развитие и изолирует русский рабочий класс от европейского и мирового пролетариата. Может быть, все это и отвечает интересам жаждущей покоя правящей бюрократии. Интересы русского и международного рабочего класса требуют иного.

С. Шварц.

С'ЕЗД КУЛЬТУРЫ

Торжество фашизма в Германии, присутствие фашистских микробов в воздухе современной Европы и, наряду с этим, трагическая неспособность (или нежелание) буржуазных правительств бороться с фашизмом создают в наиболее передовых кругах буржуазной интеллигенции чувство нарастающей тревоги и у лучших представителей этой интеллигенции вызывают потребность сближения с рабочим классом, готовность вместе с рабочим классом бороться не только за преодоление фашистской угрозы и упрочение демократии, но и за преодоление капитализма, развитие которого в одной стране за другой все отчетливее ставит проблему: либо капитализм и фашистское варварство — либо социализм. Эти настроения передовой части западной интеллигенции приводят в частности к громадному росту в ее рядах симпатий к Советскому Союзу, по всей сложившейся обстановке являющемуся естественным антиподом главного оплота фашизма, Гитлеровской Германии.

*) В этом легко убедиться при подсчете рабочих часов в течение 42 календарных дней: при 40-часовой рабочей неделе рабочий должен отработать в течение этого срока 240 часов, при советской «пятидневке» и 7-мичасовом рабочем дне 245 часов.

Из этих настроений родилась идея международного с'езда писателей для защиты культуры, состоявшегося в Париже с 21-го по 25-ое июня. По своему составу международный конгресс объединил писателей-эмигрантов из стран фашистской диктатуры, писателей демократических стран Запада и писателей Советского Союза. Чтобы оценить общественное значение этого с'езда, надо прежде всего проанализировать мысли и чувства, которые принесли на трибуну с'езда его делегаты.

Доминирующим ощущением большинства участников с'езда было ощущение глубокого идейного кризиса капиталистического мира. Выходцы в большинстве своем из буржуазных слоев, писатели устами Андре Жида, англичанина Форстера, американца Уолдо Фрэнка и др. громко заявили, что они не могут и не хотят говорить от имени своего класса. При создавшихся условиях всякая подлинная литература должна быть «литературой оппозиционной». Но, потеряв связь со своим классом, чувствуя его историческую обреченность, писатели все-же привезли на с'езд каждый по горстке земли со своей социальной родины. И эти горстки земли образуют тот балласт, который не дает многим из этих писателей всерьез оттолкнуться от покидаемого берега и найти путь к рабочему классу и к широкому трудящимся массам. Этот трагизм нередко сознается и самими писателями и нашел себе на с'езде очень яркое выражение в речи Андре Жида, подчеркнувшего, что современный радикально настроенный писатель не может найти связи со своим «народом», так как этот народ в современных условиях «не есть то, чем он может и должен быть». Терпеливо выжидая, пока старуха-история преподнесет ему на серебряном блюде тот народ, о котором он мечтает, писатель находит утешение в обращении «к неизвестному читателю будущего», который оценит современного писателя!

Этот бескрылый буржуазный радикализм своеобразно сказался и в большом докладе англичанина Форстера: если бы он, Форстер, был «моложе и смелее», он стал бы коммунистом; но он стар и остается тем, чем его сделали его возраст и воспитание: буржуа, который — больше по привычке — остается верен Британской конституции, и которого «не стесняет отсутствие достоинства в этой позиции». Правда, революционные писатели Запада, типа Анри Барбюсса, Андерсена Нексе и др. пытались бороться с этими настроениями. Андерсен Нексе рассказал с'езду сказку о муках художника, который нашел удовлетворение только после того, как бросил кисть, вышел на улицу и присоединился к рабочей манифестации. Настроения, с которыми приехали многие писатели на с'езд и которые корнями своими уходят в их буржуазное бытие не могут, однако, быть преодолены такой абстрактной пропагандой единства с рабочими массами. Но многочисленная интеллигентская аудитория, сама бывшая в тисках идейного кризиса, была не требовательна, удовлетворяясь такой псевдо-революционной декламацией.

Легче было на с'езде положение немецких делегатов. Фашизм у них не угроза, а ежедневная, ежечасная страшная реальность, бросающая в застенки Гестапо и в концлагеря всех, кто осмеливается протестовать против воинствующей контр-революции. По адресу этого режима может быть только один ответ: революция — имя свободы и социализма. С энтузиазмом встречено было всем с'ездом сообщение президиума о предоставлении слова немецкому революционному писателю, приехавшему нелегально из Германии. Но и в его появлении была какая-то черта нездоровой театральности, питающей не активные, а пассивные, прикрывающиеся революционной фразой настроения в рядах эмиграции.

Непосредственно перед конгрессом немецкие писатели-эмигранты выпустили сборник своих произведений для нелегального распространения в Германии. Но когда приехавший писатель заверил, что 3.000 экземпляров этого сборника уже распространены в Германии, эта торопливая реклама резнула слух тех, кто знаком с жестокими условиями нелегального транспорта.

Немецкие делегаты вообще играли значительную роль на с'езде. Среди них выделились Генрих Манн и Анна Зегерс. Манн, маститый представитель немецкой демократической мысли в лучшем смысле этого слова, говорил о немецком фашизме: «Страна, которая урезывает полет мысли, страна, в которой писатели и ученые лгут, чтобы спасти свою жизнь или хотя бы не лишиться материальных благ, когда все они презирают фашистов, приказывающих им, и презирают самих себя, — эта страна в нынешнем своем состоянии не может производить культурных ценностей». Но чувство действительности изменяет Манну и он становится мечтательным романтиком, когда заговаривает о Советском Союзе: «Когда мы слышим от советских писателей Кольцова и Эренбурга, как высоко ценятся в их стране человеческая мысль и слово, — мы не можем не позавидовать им, этим счастливым писателям и журналистам социалистической страны». В этой романтике сказалась внутренняя слабость своеобразного про-советизма, которым была насыщена атмосфера с'езда.

В довольно многочисленной группе коммунистических немецких эмигрантов особое место заняла Анна Зегерс. Она сумела в скупых словах вскрыть страшные источники военной опасности, кроющиеся не только в противоречиях интересов великих держав, но и глубоко запрятанные в душах современной молодежи: ведь не только беспросветность материального существования гнетет безработного, едва-ли не в большей степени гнетет его сознание своей ненужности. Война в этих условиях означает для него прежде всего: «Ты нужен!» «Государство обращается к тебе за помощью». Много еще нужно поработать писателям, чтобы разоблачить существо того сладкого яда, который порождает война, несущая страшное равенство всех перед смертью.

Как же на эту обстановку бескрылого радикализма других действовало присутствие многочисленной делегации Советского Союза? Советские писатели могли бы здесь сыграть большую положительную роль, если бы они чувствовали себя подлинными и свободными представителями революционной страны, у которой, ведь, действительно есть что противопоставить фашистской контр-революции! Увы, советские писатели держали себя лишь как официальные представители диктатуры. Они с традиционным, истинно-русским размахом бахвалились энтузиазмом трудящихся, осуществлявших пятилетку; проснувшейся в широких массах, разбуженных революцией, тягой к знанию; умопомрачительными тиражами своих книг (иногда намекая и на проистекающие отсюда для писателей блага). Участие в с'езде советских писателей содействовало поэтому не действительной консолидации антифашистского фронта, а бегству радикальных европейских писателей от обставшей их враждебной действительности под сень безоговорочного славословия Советского Союза, «родины строящегося социализма». И, когда в довершение всего, Эренбург заверил конгресс, что в центре забот коммунистической диктатуры стоит забота о человеке, о всестороннем развитии его индивидуальности, — писатели и вовсе вздохнули облегченно: в глубине души они ведь немножко робели перед диктатурой. Но, оказывается, страшен революционный сон, да милостива пореволюционная действительность — в

изображении советских писателей она оказалась розовощеким, упитанным младенцем, слетевшим с рекламного плаката французского молочного треста.

Но если политическая природа этих шумных оваций по адресу Советского Союза в первые дни конгресса была еще спорна, то по мере приближения работ с'езда к концу она сама себя разоблачила. На тему «о свободе и достоинстве мысли» выступил известный итальянский историк социалист, проф. Сальвемини. В очень яркой речи он нарисовал картину фашистского террора, но подчеркнул при этом, что успех борьбы с фашистским террором затрудняется подавлением свободной мысли в Советском Союзе. В качестве примера террора по отношению к инакомыслящим в СССР Сальвемини назвал два имени: французского писателя Виктора Сержа и Троцкого. Большинство с'езда апплодировало Сальвемини, другая часть — не менее неистово выражала сове негодование по поводу «вылазки против Союза». Что было особенно тягостно — это картина замешательства и растерянности, охвативших вдруг заметную часть делегатов. Впервые конгресс был поставлен лицом к лицу с проблемой свободы в СССР. Международный с'езд писателей, так громко заявивший о своей ненависти к фашизму, ненависти, продиктованной горячей любовью к свободе и культуре, должен был дать ответ на вопрос о свободе в СССР. И вдруг отчетливо осозналось: ответа нет, ответа не будет, конгресс пожимает плечами! То же самое, только в еще более бурных формах повторилось и в последний день при выступлении французской делегатки-социалистки Мадлен Паз. Оставаясь в пределах темы о свободе и достоинстве мысли, она выступила со страстной защитой Виктора Сержа, которого знает и ценит, как писателя и как коммуниста. Виктор Серж с оружием в руках защищал русскую революцию. Его единственное преступление в том, что он по своим политическим убеждениям троцкист. За это он много лет преследуется диктатурой, а с 1928 года находится в ссылке; жена его доведена до безумия. Паз настаивала, чтобы конгресс потребовал от советского правительства гласного суда над Виктором Сержем, или представления ему возможности выехать за-границу. Во время речи тов. Паз температура в зале накалилась, но твердость председателя, Андрея Мальро спасла положение: Мальро решительно заявил, что всем участникам с'езда гарантирована свобода высказывания и что те, кто попытаются этому помешать, должны будут покинуть зал. Речь Паз вызвала бурное одобрение доброй половины аудитории. Но как реагировали на нее советские писатели? Тихонов: Советская делегация не знает французского писателя Виктора Сержа, а знает только журналиста, который «плел тихую паутину контр-революции». «Он ел наш хлеб, был гражданином нашей страны и знал наши законы: они суровы». «От имени беспартийных советских писателей» Тихонов заявил, что «самые коварные враги Советского Союза — троцкисты и левая оппозиция». Еще циничнее оказался ответ Киришона: «слова Сержа превращались в пули, которыми был убит Киров». Советские делегаты считают, что их правительство право в своей борьбе и они готовы отвечать «за каждую пулю, которое оно посылает в лагерь врагов». — Бельгийский писатель Плинье, бывший коммунист, тоже защищавший с оружием в руках русскую революцию, когда «многие из здесь присутствующих советских писателей стояли еще в стороне или сидели на Монпарнассе» (намек на Эренбурга), выразил страстный протест против того, что всякое слово критики политики диктатуры истолковывается как «борьба против русской революции»: «В этом зале, — сказал Плинье, — нет ни одного человека, который борется против русской революции».

С'езд писателей должен понять, что речь идет о действительно «трагическом конфликте внутри революционного лагеря», без разрешения которого невозможна успешная борьба против фашизма и за построение социалистического общества. После полуторачасовой дискуссии Андрей Жид от имени президиума с'езда заявил, что он «испытывает чувства любви и доверия к Советскому Союзу, и случай с Виктором Сержем ни этой любви, ни этого доверия не поколебал». И этим вопрос был исчерпан. Не приходится сомневаться, что решение выступить с таким заявлением далось Жиду, чистота морального облика которого не может вызывать сомнения, нелегко. Утонченный писатель, столько таланта отдавший борьбе с клерикализмом во имя свободы личности и свободы мысли, стал на склоне лет пленником чисто канонического представления о непогрешимости Сталинской диктатуры. Советская делегация могла праздновать победу, но это была победа не над «контр-революционным троцкизмом», как писала советская печать; это была победа над с'ездом, уроном для дела собрания демократических и пролетарских сил для борьбы во имя свободы и социализма.

В. Александрова.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

От редакции. — В. Винниченко обратился к нам с просьбой напечатать в нашем органе его «Открытое Письмо Сталину». Во имя свободы печати помещаем это письмо (в переводе с украинского) с некоторыми сокращениями, вызванными недостатком места.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СТАЛИНУ И ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО ВКП.

Уважаемые Товарищи,

как извещает европейская пресса, десять секций Коминтерна обратились к партиям II-го Интернационала с предложением образовать «единый фронт» для борьбы против наступающего фашизма и обороны от него СССР, страны строящегося социализма.

Действительно, опасность для ростков социализма, с таким печеловеческим страданием, с такими колоссальными жертвами возвращаемых, громадна, и нет сомнения, что каждый обитатель земной планеты, искренне желающий мира и равенства людей на земле, должен быть в тревоге и желать всеми доступными ему средствами встать на защиту нового общества, строящегося в СССР. Будучи одним из вот таких обитателей земной планеты, я позволяю себе, настоящим письмом обратив ваше внимание на те стороны опасности, которые, как мне кажется, либо совсем не освещаются ни вами, ни социалистически-коммунистической прессой, либо освещаются недостаточно ясно и отчетливо.

Прежде всего, вопрос о войне вообще. По общепринятому мнению (не только буржуазному, но иногда и социалистическому) войны можно избежать в ближайшем и дальнейшем будущем, сохраняя нетронутым мировое социальное статус-кво, только приняв определенные к тому меры. Меры же эти могут быть следующие: либо надо произвести всеобщее разоружение, либо связать Германии руки и ноги, либо напугать ее до омертвления. Первая мера в последнее время всеми (кроме председателя комиссии по разоружению) оставлена, как явно утопическая. Связать Германию? И эта мера уже оставлена, так как Германия не только не дает связать себя, но и те формальные пути, которые еще оставались на ней от Версальского договора, сброшены ею. Таким образом остается только одна мера: напугать ее так, чтобы она заранее была глубоко и без колебаний уверена, что будет разбита вдребезги, если только позволит себе начать войну.

Вся беда, одним словом, в Германии. Да и то не столько в Германии, в германском народе, как в Гитлере, насильственно захватившем власть над этим народом и террором навязывающем ему свои психопатические настроения и воледеления.

Верно ли это? В Германии ли, в Гитлере ли дело? В Версальском ли договоре? Даже в войне ли 1914-18 годов?

Нет, суть вопроса, конечно, не в этом.

Пока существует капитализм, до тех пор будет война на земной планете, что никакие комиссии по разоружению, никакие пакты, никакие вязания и пугания Германии, никакие заклинания и бдения себя в грудь не помогут и помочь не

могут. Ну, сегодня Германия испугается, война будет отсрочена на год, два, пять. А далее?...

...Каждый честно, последовательно до конца мыслящий человек, искренно желающий уничтожения войны, должен желать прежде всего, главное всего, уничтожения не тех или иных сопровождающих или предупреждающих ее явлений, а основной причины, порождающей ее, то-есть капитализма. Люди же, говорящие о возможности уничтожения войны в рамках капиталистического общества, это люди — либо нечестные, либо думающие непоследовательно, не до конца логически. Либо еще третьи: настолько чувствующие страх и отвращение перед войной, что готовы верить даже в нелепость, в абсурд, в чудеса. Так люди, искренне неверящие ни в какие заклинания и колдовство, перед угрозой смерти поддаются такой панике, что обращаются за помощью к обыкновеннейшим гадалкам, знахарям, талисманам, амулетам. И надо признать, товарищи, что ваша «пактоамния», которая замечается у вас последние годы, очень похожа на это прибегание к помощи колдовства...

...Конечно, это ошибка, которую вы и сами должны видеть, но от которой вы из страха и отвращения перед войной не хотите видеть. Но этой ошибкой, товарищи, вы причиняете, — надо это прямо сказать, — большой вред самому делу мира и социализма. Этим вы поддерживаете и пропагандируете ту мысль, что при капитализме можно избежать войны, что не социальное, экономическое, национальное и прочее неравенство, не разделение людей на классы, на конкурирующие расы и государства, не эксплуатация человека человеком, не эти причины, необходимо лежащие в основе капитализма порождают войну, а плохой характер того или иного народа, даже отдельного лица, имеющего власть над тем народом.

А кроме того вы этим вносите смятение в ряды всех искренних сторонников строительства социализма в СССР. Они имеют основание с тревогой и недоумением спрашивать себя (как они это и делают): что же такое эта политика: тактика, игра в поправение, чтобы надуть своего противника, мировую буржуазию, и заставить ее даже защищать себя? Или же действительное поправение, действительный отход от социализма, действительный «эволюционный» тихий термидор, который вы и сами, быть может, не совсем отчетливо видите, как не видят люди сползания горы, за которой сидят?

А затем следующее «недоразумение». У вас, судя по всем данным, доступным простым обитателям планеты, господствует не совсем отчетливое представление о вреде для ростков социализма вообще войны и не совсем нормальный выбор средств защиты его. Вы, кажется, боитесь, только поражения в войне. Вы, повидимому, верите, что выигранная война ничем строящемуся в СССР социализму угрожать не может. Поэтому главная забота ваша в том, чтобы обеспечить себя средствами победы, каковы бы они ни были.

Это — «недоразумение». Почти всякая война в данный момент, даже победоносная, чрезвычайно вредна, даже можно сказать, просто губельна для строительства социализма в СССР. О проигранной войне много говорить не надо. Но и выигранная война, при известных условиях, может быть также очень опасна для социализма. А эти условия, как показывает ход вещей, к несчастью, имеются в наличии. Главные из этих условий: 1) ненормальные, «какие бы ни было» средства защиты и 2) длительность, затяжность войны.

Психологически, с большим усилием, быть может, и можно понять ваше, пактолюбие, это ваше стремление прибегнуть к защите одной части капиталистического мира (Лига Наций) против смертельной угрозы другой его части (Германия, Япония). Но, товарищи, если это — только тактика, игра, то неужели вы всерьез думаете, что сможете этой игрой в поправение, в термидор надуть одну часть буржуазии и заставить ее защищать себя против другой части? Обе части капиталистического мира одинаково хорошо умеют понимать свои интересы и различать игру от реальности. И если одна часть понимает эту игру и делает вид, что верит в «всамделишность» вашего термидора, то она делает это в своих интересах, уверенная в выигрыше (и, значит, в вашем проигрыше). Но если нет никакой игры ни с одной стороны, то неужели вы всерьез допускаете мысль, что можете найти «восточную» помощь в какой бы то ни было части капиталистического мира?...

...Но одного субъективного желанья мало. Собораясь защищать СССР от нападения Германии или Японии, капиталистические защитники его, во-первых, собираются защищать свои собственные интересы, попавшие под угрозу вследствие нападения на СССР. Но если бы, напр., Германия могла дать абсолютную гарантию безопасности для, скажем, Франции, то кто знает, стремилась бы ли так послелняя к союзу с СССР? Вель ничто из французских буржуазных политиков и не скрывает того, что союз с СССР вызывается, главным образом, тем соображением, что Германия после победы над

СССР, усилив свою мощь, обратит ее против Франции. Вторых, защищать они хотят не страну с социалистическим строем, противоположным и враждебным их строю (что было бы совершенно противостоестественно), а определенную территорию государственную европейско-азиатскую единицу, в той или иной мере могущую быть им полезной в их междукапиталистическом столкновении. Да опять-таки: буржуазные политики и не скрывают этого, сторонники соглашения с СССР все время убеждают противников его в том, что социализм в СССР почти уже испарился, что советская власть сильно «эволюционирует» в сторону капитализма, что там начинаец господствовать российский национализм, а не социализм и коммунизм. Да даже допуская, что социализм в СССР еще не испарился, они будут в самом деле искренно и активно защищать его, честно соблюдая договор, строго подчиняясь всем статьям его. Но, с другой стороны, в это же самое время, подчиняясь закону своей социальной природы, они всегда будут оставаться врагами социализма, неуклонно, неумолимо стремящимися к гибели своего противостоестественного «союзника». И помощь их в каждом конкретном случае всегда будет содержать в себе более или менее скрытое желание связать своего союзника этой помощью. И чем больше, чем значительнее будет эта помощь, тем резче и откровеннее будет становиться это желание. Вот почему я считаю вторым опасным для социализма условием **затяжность войны**. А что война, даже выигранная СССР, будет затяжной, что Германия и Япония окажут отчаянное, длительное сопротивление, об этом, кажется, спорить нельзя. Вот эта-то длительность и отчаянность сопротивления и будут губительными для социализма. Ибо это необходимо повлечет за собой страшное перенапряжение всей, неокрепшей еще, новой хозяйственной системы страны, все большее и большее истощение ее, расстройство всего аппарата власти, все судорожнее искание помощи у союзников. И будут моменты, когда помощь эта нужна будет до зарезу, до вопля: «Караул!», до согласия на всякие условия помощоделателей.

И вот война, скажем, будет в конце концов выиграна, СССР отобьет все нападения врагов. Но эта победа будет стоить ему слишком дорого, — векселей будет выдано столько и такого характера, что ни о каком социализме уже и думать не придется. Если за одно только вступление в Лигу Наций, за эту сомнительную **тень** помощи более нетерпеливые и несдержанные члены этого капиталистического Интернационала требовали платы (например, свободой религии в СССР), она теперь союзники требуют откупа от пропаганды коммунистического учения, то что же потребуют они, когда будет стоять вопрос о настоящей помощи, когда Союз Советских Республик будет схвачен за горло другой частью капиталистического мира, когда отказ от условий помощи будет равносильным немедленной смерти? Конечно, чтобы избежать немедленной смерти, надеясь на то, что авось потом, после победы в войне, удастся как нибудь отвертеться от этих условий, правительство СССР пойдет на них. Но, увы, отвертеться будет невозможно. Невозможно по многим и многим причинам. Весь Союз будет хозяйственно и финансово истощен, разстроен, разбит. Основы социалистического строя во время войны и под действием необходимости, и под тайным влиянием союзников, и под напором осмелевшей контр-революции будут полуразрушены, полуразрушены, прорастут побеги старого возрождающегося капитализма. А напор ему, на восстановление всей системы социалистического хозяйства надобны будут колоссальные средства. Взять же их будет неоткуда, так как громадная часть народного дохода будет идти на покрытие долгов союзникам. Да и союзники воспротивятся этому, а противиться они будут иметь право, так как во время войны, в грозные моменты они поставят свои условия, сводящие на нет всякие социалистические способы ведения хозяйства. И вот, при самой искренней вашей верности социализму, товарищи, вы своими собственными руками будете погребать его (если только еще «союзники» согласятся доверить вам эту печальную роль в этом последнем акте великой исторической трагедии).

Так объективно рисуется положение вещей. И поэтому логика подсказывает: не надо принимать войны, никакой войны, даже победоносной! Избегать ее всеми возможными способами, жертвуя для этого всем, чем только можно пожертвовать, кроме социализма.

Но... Но если война все-таки будет навязана?

Тогда спасение социализма возможно лишь в том случае, если война будет не только победоносной, но не затяжной, быстрой и с самой минимальной, с самой необходимой помощью буржуазных союзников. Надо разбить врага быстрой сокрушительными ударами.

Возможно ли это?

Почти невозможно. Почти. Но не окончательно. У СССР может быть один такой фактор, который, несмотря на военнотехническое превосходство сил противника, может сокрушить его. Этот фактор — **духовного** характера. Он должен

состоять в высшем напряжении воли к защите социализма, в энтузиазме (но не в том бюрократическом энтузиазме, о котором вы сами иногда говорите с тоской, а в настоящем энтузиазме), я сказал бы, даже в фанатизме человеческого элемента, ведущего войну, — и армии, и населения. В истории не раз бывали примеры, когда вот такой элемент, технически и даже количественно слабее противника, разбивал последнего в пух и прах... Но надо иметь этот энтузиазм, этот фанатизм. Надо, чтобы и армия, и население имели нечто, что представляло бы для них такую ценность, которую они готовы были бы защищать с бешеной, почти сверхъестественной энергией...

Мы, простые обитатели земной планеты, имеем право спросить вас: есть ли это в СССР? Есть ли хотя бы четкое понимание и чувствование этих ценностей, если не в полной реализации их, то по крайней мере в ясном представлении? Сделано ли все, чтобы мобилизовать духовные силы защиты социализма всюду, где только можно, в каждой стране и во всем мире?

Нет, судя по тому, что делается, почти ничего не сделано. Наоборот, повидимому делается нечто вредное этой самой мобилизации. Доказательством этому утверждению может служить следующий факт. Вот выпустили эти десять секций Коминтерна воззвание об едином фронте. И, смотрите, буржуазная пресса издевается, указывая на то, что это воззвание помещено в центральном органе Всесоюзной Коммунистической Партии мелким шрифтом на третьей странице. В самом деле, разве этот факт не рисует самым наглядным образом ваше отношение к духовному фактору обороны социализма и к этому самому единому фронту? то-есть к объединению всех заинтересованных в осуществлении социализма, всех без различия партий?

Да, единый фронт трудящихся всего мира — это колоссальная, непреоборимая сила, для которой не страшны никакие фашизмы и расизмы. Но надо действительно осуществить его, надо, чтобы это было настоящее объединение двух лагерей единой армии труда, а не «стратегия», не хитрость противника, не желание «перетянуть» массы на свою сторону. А для этого надо, прежде всего, обоюдное доверие. Надо, чтобы обе стороны прежде всего в самих себе, перед самими собою признали, что вне их тоже могут быть люди искренние, честно, горячо, хотя и по своему преданные интересам социализма и не менее, чем другая сторона желающие осуществления его на земле. Без этого предварительного признания никакие воззвания, никакие заверения не дадут желаемых результатов. Надо, товарищи, чтобы трудящиеся всего мира, чтобы все заинтересованные в уничтожении социального, национального и прочего неравенства, эксплуатации, неустойчивости, кризисов, войн и всего того тяжелого, что дает им капитализм и от чего они страстно жаждут избавиться, чтобы они видели, что вы **только это** имеете в виду в едином фронте, а не интересы своей партии, власти, даже своего государства, хотя бы оно и называлось рабоче-крестьянским. И надо, чтобы массы горячо в это поверили, чтобы всякие сомнения отпали у них. Тогда призывы ваши они наверно поместят бы на первых страницах своих душ громадным шрифтом. И если бы вы сумели этого достигнуть, вы увидели бы, что эта мобилизация дала бы неизмеримо большую помощь обороне и защите социализма, нежели пакты с правительствами этих масс, по природе своей враждебных социализму.

Кроме того, товарищи, мне кажется, что, если производить мобилизацию единого фронта искренне, то надо производить ее везде, где есть трудящиеся и заинтересованные в осуществлении социализма, везде, без исключения. Это значит, — и в СССР, где наиощутительнее стоит эта задача, где так точно, как и везде, существовали и существуют разногласия в способах осуществления социализма. Разница только в том, что в СССР всякое такое разногласие с правящим течением партии считается государственным преступлением и карается изгнанием, концлагерем, тюрьмой, каторгой и порой даже смертью. Я не принадлежу ни к какой партии II-го Интернационала, я, как вам известно, коммунист. Но я считаю, что надо быть в особенности в таком громадной важности вопросе, как спасение социализма, не только честным и объективным по отношению к людям, искренне стремящимся к одной цели, но и последовательным до конца. И будучи объективными и последовательными до конца, и имея в виду только спасение социализма, а не что-либо иное, только мобилизацию сил могущих быть полезными в этом деле, вы должны осуществить единый фронт и внутри СССР.

Что именно, как именно надо сделать, чтобы осуществить этот настоящий, действенный единый фронт в мировом и внутрисоюзном масштабе, этот вопрос уже легче разрешить при искреннем, принципиальном желании с обеих сторон.

Далее. К этой же мобилизации духовных средств защиты социализма должна быть присоединена мобилизация одной силы, которая не использована вами так, как она может и должна быть использована для социализма. Сила эта — на-

циональное чувство народов, бывших в порабощении у империалистической России. Официально считается и провозглашается в СССР, что национальный вопрос там разрешен идеально. К великому сожалению, это не так. В глубине своего сознания вы сами, конечно, знаете, что до идеального разрешения этого вопроса еще очень далеко. Так называемые «националистические уклон», постоянные аресты уклонистов, расстрелы их, волнения в массах, все это свидетельствует о том, что в этой области нет еще успокоения и не только идеального, но и удовлетворительного разрешения большого вопроса. Для своего спокойствия и иных целей вы продолжаете настаивать на формальных утверждениях. Некоторые же из вас вообще склонны не придавать особенного значения национальному вопросу, по старинке считая его вопросом буржуазным.

Это — большое заблуждение, которое, заняв руководящее положение в политике партии, может привести к тяжчайшим для социализма в СССР последствиям. Национальный момент — это могущественный (слишком могущественный!) фактор в современной политической жизни всего мира, и только при сознательном закрытии глаз на брызжущие фонтанами крови проявления его в Европе и по всей планете можно отрицать его громадное значение. Да взять хотя бы Германию. Нация в 70 миллионов душ буквально впала в психоз под влиянием оскорбленного национального чувства. Конечно, в основе этого психоза, лежат социально-экономические причины. Но форма выявления их действия — национальное чувство. И сама эта форма начинает играть самодовлеющую роль.

Почему же социализм не может использовать эту стихийную энергию на поддержку, развитие и защиту социализма? Почему, наоборот, в СССР, где эта энергия находится в таком напряженном еще состоянии после царизма, почему там эту энергию как будто умышленно кто-то направляет во вред социализму? Вы помните, товарищ Сталин, как в 1920 году вы мне говорили по поводу этого вопроса: «Да, они (члены правящего центра партии) еще не понимают всей важности вопроса, еще не пришли к правильному разрешению его. Но это непременно будет через несколько лет, жизнь заставит понять». И, в самом деле, через несколько лет началась иная линия национальной политики. Действительно нацвопрос стал подходить к своему социалистическому разрешению. И вдруг как будто без причины случился поворот назад. Почему? Почему опять поднял голову русский национализм и занял опять то командное и портиворечашее социализму положение, которое вы считали в 1920 году неправильным? В лучшем случае надо предполагать, что руководство партии пошло на уступки русскому национализму, считая русский национализм сильнее в защите социализма, чем национализм наций, бывших в угнетении. Но, если это так, то тут опять «недоразумение». Русский национализм не может развить по природе своей той бешеной силы, которую в состоянии развить национализм угнетенной нации. Русский национализм не защищает своей национальной свободы, которой ничто не угрожает, он агрессивен и реакционен по своей природе, потому что он стремится к господству над другими нациями. Гитлеризм никогда не мог бы вызвать у немецкой нации такого почти психоза национального, если бы национальное чувство немцев не было унижено, если бы вопли Гитлера не содержали в себе призыва к **самозащите**, к восстановлению попорченной «чести», «достоинства» нации. Русский национализм, как таковой, не сможет мобилизовать духовные силы на защиту социализма, ибо социализм для него по существу вреден и убийственен. Иное дело национализм наций, бывших в угнетении до революции и получивших национальное освобождение только от революции и долженствующих получить полное завершение своего освобождения в социализме. Для них социализм, наоборот, есть залог их духовного благосостояния, это высшая для них ценность. Тут социальное и национальное освобождение сошлись бы в полной гармонии. И от соединения этих двух моментов могла бы развиться вот та огромная стихийная энергия, о которой я говорил выше, если бы не этот ваш курс нацполитики.

И ведь в какой еще момент проводится этот курс! В тот момент, когда Украина, одна из наибольших наций бывших в порабощении у русского национализма, стала в центре мировой политики и будет служить яблоком военного раздора. Для компенсации протерей и убытков, понесенных Германией от войны и Версальского договора, гитлеризм избрал себе Украину. В смысле богатства и лакомственности этого кусочка планеты Украина известна немецким военным кругам еще с 1918 года, со времени оккупации ее немецкой армией. Физически гитлеризм полагается в своем походе против СССР на свою армию, на вооружение, экономику, технику, химию и т. д. А духовно на состояние психики своей армии и населения Германии. А кроме того, товарищи, на психику ...украинских масс и определенной части украинских организованных политических групп. Да, гитлеризм очень на-

деется на этот духовный фактор и с этой целью усиленно старается развить его энергию обещаниями полного политического, национального и государственного освобождения Украины, полной ее самостоятельности и независимости. Украинские буржуазные политические деятели отлично понимают, конечно, что за эту самостоятельность придется дорого заплатить экономически. Но они рассуждают таким, приблизительно, образом: платить нам все равно приходилось и придется России, Москве. Теперь Украина, мол, платит своим богатством за национальное угнетение и порабощение; тогда же, по крайней мере, она за эти материальные богатства сможет купить возможность развить и укрепить свои национальные и государственные силы, при помощи которых она впоследствии и свергнет господство немецкого империализма. С точки зрения же, мол, этого самого развития национальных и государственных сил Украины, господство немецкого «протектората» неизмеримо более благоприятно, чем господство России, хотя бы уже по одному тому, что немцы этнографически очень далеки от славянства и не могут иметь претензий на онемечение украинского народа на том основании, что он есть только ветвь немецкого народа, как то делает русский национализм, оправдывающий руссификацию украинского народа тем, что украинский народ будто бы есть только ветвь русского народа. Если, мол, надо выбирать господство другого государства («протекторат»), то лучше господство Германии, Франции, Англии, вообще всякого европейского культурного, не-славянского народа, только не Москвы, только не России.

Вы отлично знаете сами, товарищи, как эти аргументы постоянно живут в украинских, массах поддерживаемые **главным образом** непрекращающимися агрессивными действиями русского национализма. Вы знаете, какой горячий материал представляют из себя эти массы, готовые вспыхнуть восстанием при малейшей возможности. И никто лучше вас не знает, сколько вам приходится отсекает от себя тех или иных частей партийного тела, зараженных украинским «сепаратизмом», как жертвы этой перманентной операции падают даже заслуженные члены большевизма. И вы не можете не понимать, какая опасность заложена в этой горячести украинских масс, если вспыхнет война, какой пороховой погреб для советской власти будет представлять из себя Украина. Я писал вам уже несколько раз и еще раз скажу: ваша национальная политика на Украине создает там такой тыл, какой могут пожелать вам только ваши враги.

Я знаю, вы по тем или иным основаниям имеете склонность объяснять национальную горячность украинских масс экономическими причинами. Конечно, в корне социальных явлений жизни народов лежат экономические причины. Но не надо брать и применять эту истину слишком упрощенно ко всем движениям народных масс. Я имею некоторое основание и право утверждать на основании опыта из жизни этих самых украинских трудовых масс, что национальный фактор иногда играет как бы совсем самостоятельную роль и способен творить по истине чудеса героизма. Я лично был участником и ближайшим свидетелем такого чуда. Я говорю об украинской революции 1918 года, о восстании украинских трудовых масс против господства немецкой оккупационной армии и ее ставленника гетмана Скоропадского. Я стоял во главе организации, ведшей всю работу по подготовке восстания, по организации революционной украинской армии, по руководству всем повстанческим, идейным и военным, движением. И я должен признать, что, напр., не экономический фактор, а национальный, подвинул группу в 900 человек (полк украинских сечевых стрельцов, бывший под властью гетмана) дать согласие на участие в восстании. Это было, собственно говоря, согласие принять участие в верной и безумной смерти, так как, действительно, по всем видимостям только безумные могли решиться на такое явно невозможное предприятие, как выступление 900 человек против 500.000 немецкой армии и тысяч 20 армии гетманской. Руководство моей собственной партии (социалдемократической), членом которой я состоял, осудило мои начинания, квалифицировав их как «полнейшее безумство». Но, товарищи, как велика бывает иногда сила такого безумства! Вам известно, как это безумство превратилось в чудо, как эти 900 человек изгнали из Украины 500.000 немцев, как разбили и разогнали десятки тысяч гетманской контр-революционной армии, набранной из опытных белых русских офицеров царской армии, как эти 900 человек через два месяца превратились в более чем столыянскую армию. И движущей силой этого чуда, товарищи, были не только социально-экономические причины, но и национальные, негавист не только к классовым угнетателям, но и к национальным.

И поэтому я с глубочайшим убеждением могу сказать, товарищи: если бы на Украине был осуществлен единый фронт, как по линии общеполитической, так и национальной, если бы национальная политика была радикально изменена, если бы произошла эта гармонизация социального момента с нацио-

нальным и массы, горячо поверив в это, прониклись полным доверием к руководящим центрам, то, повторяю, от этого могла бы развиваться такая стихийная энергия, которая была бы страшнее для гитлеризма, чем пушки и газы*).

Что именно надо сделать для мобилизации этого фактора, это тоже легко выяснилось бы, как и в вопросе об общеполитическом едином фронте, лишь бы было искреннее, горячее желание и воля к ней. Будет ли это желание и воля, это должно показать ближайшее будущее.

Момент чрезвычайно важный, ответственный и грозный. Не преувеличивая, можно сказать: **без мобилизации всех духовных сил защиты — 75 шансов за проигрыш войны и 99 — за поражение социализма в СССР.** А поражение социализма в СССР — это поражение его во всем мире и ослабление на долгие годы. На вас, товарищи, возложена огромная ответственность за судьбу всего мирового революционного социализма. Теперь более чем когда-либо от вас, от вашего сознания и воли зависит все, что может зависеть от желания отдельных человеческих единиц и групп. Пока не поздно — за вами слово и решающее, действительное слово.

Вот — это то, на что я хотел обратить ваше внимание, товарищи.

В. Винниченко.

ЗАГРАНИЦЕЙ

В ЛАТВИИ.

Курс латвийской внутренней политики идет на стопроцентный фашизм по итало-австрийскому образцу. Под гнетом военного положения готовится так наз. «корпоративная конституция». Пока в качестве законосовещательных органов намечены три палаты: торгово-промышленная, сельскохозяйственная и рабоче-ремесленная. Впоследствии палаты предполагается объединить для выборов «главы государства», назначаемого правительством. Однако, даже этим назначенцам предоставляется право выбирать президиумы палат: председатели, весь состав президиума и секретари будут назначаться правительством. Понятно, что все эти «представители производительных слоев единого латвийского народа» заранее подбираются так, чтобы «избранным» в диктаторы — еснее только комедия выборов вообще будет признана нужной — оказался нынешний диктатор Ульманис.

Рабочая палата будет состоять из назначенных представителей вновь организуемых профсоюзов. Правления этих союзов назначаются правительством. Выборов никаких нет. В союзы гонят террором. За год фашистской диктатуры уничтожены все делегатские проявления социалистического рабочего движения, социалистической и просто демократической мысли. После похорон бывшего социалистического депутата Цельмса аресту подвергся депутат Дукурс — только за то, что попытался поместить в газете извещение о смерти Ц., подписанное: «товарищ по идее». В этом усмотрели попытку «законного оказательства» социалдемократии! Вообще запрещено всякое проявление самостоятельности. Вся Латвия, в сущности, — один концентрационный лагерь. «Думать должен один только вождь», — так заявил недавно на собрании крупных крестьян латвийский Гэббельс, товарищ министра внутренних дел Берзинь.

В скором времени начнутся первые процессы по обвинению в принадлежности к нелегальной Социалистической Рабоче-Крестьянской Партии. По законам военного времени обвиняемым может грозить смертная казнь. Другой вопрос, решится ли правительство на это. Так называемого «независимого суда» в Латвии не существует. А несмотря на то, что, по многократным заявлениям «вождя» и его министров, в стране царят «тишина и спокойствие», военное положение не отменяется.

На деле недовольство растет во всех слоях населения, не говоря уже о рабочих и мелком крестьянстве. Крупные крестьяне разочарованы тем, что получили меньше, чем ожидали; городской крупная буржуазия недовольна тем, что у власти оказались не ее доверенные лица, а клика авантюристов, социально опирающихся, правда, на крупное, старовладельческое крестьянство, но использующих власть для себя и орудующих лишь голыми штыками. Верхушки армии стали в последнее время как будто менее склонны поддерживать нынешнего «вождя», престиж которого за год вообще сильно побледнел. Возможным преемником его называют ренегата со-

циализма, нынешнего вице-председателя кабинета министров и ближайшего участника переворота Скуенек. Но «смена «вождя» возможна лишь силой оружия. Настроение определенных кругов армии не делает совершенно невероятным такой путь «углубления национальной революции» в близком будущем. Кроме известных кругов армии Скунек может опереться, в качестве «боевого авангарда», и на золотую фашистскую молодежь. Но и ныне царствующий диктатор не дремлет...

Сравнительно мало внимания обращает заграничная социалистическая печать на внешнюю политику латвийской диктатуры, на ее замаскированные вассальные отношения с Гитлеровской Германией. В самой стране во всем лагере оппозиции установился взгляд на нынешнего диктатора, как на ставленника гитлеровской Германии, хотя и вынужденного, подчас с довольно комичной крестьянской хитростью, маскировать свою внешне-политическую установку.

Внешне-политически фашистский переворот в Латвии был делом берлинских рук. Без принуждения со стороны других внешних сил, фашистская Латвия не сделает ни одного шага, который мог бы вызвать недовольство Берлина. В то же время по адресу Советской России устраивается одна неприязненная демонстрация за другой. Прошлым летом, когда в порядке дня стоял «восточный пакт», латвийский министр иностранных дел демонстративно отказался от поездки в Москву, куда направились министры Эстонии и Литвы. Само согласие на пакт было дано лишь в расчете на то, что Германия и Польша помешают его заключению. В течение всего года беспрерывно устраиваются разные юбилеи побед латвийской армии. Но, оказывается, забыты все победы над бандами Бермондта и фон-дер-Гольца. Помнят и демонстративно празднуют лишь победы над отступавшей в 1919-20 гг. из Прибалтики красной армией. Официальные пропагандисты министерства внутренних дел, разезжающие по стране, читают крестьянам доклады, в которых проводится мысль, что враг — Советская Россия, а Германии бояться нечего. Генеральный секретарь министерства иностранных дел, фактический руководитель дипломатической кухни, Мунтерс, бывший офицер-разведчик белой армии Юденича, ныне материально связанный с крупно-капиталистическими предприятиями в Германии (Дейтше Штальверке), считается посредником между Берлином и Ригой. Видным руководителем хозяйственной политики, своего рода банковским диктатором, назначен господин по фамилии Берзин, бывший во время мировой войны доверенным лицом германских оккупационных властей, а ныне состоящий доверенным лицом Дрезденского банка. В Балтийской Антанте, — союзе Эстонии, Латвии и Литвы, Латвия является тем членом, который делает и будет делать все возможное, чтобы помешать вовлечению этого союза в антигитлеровский фронт. Перед поездками на конференции балтийских государств Мунтерс неизменно советуется с германским посланником в Риге.

Но перед Европой эта про-гитлеровская установка маскируется, так как бояться гнева Франции и Англии. А к Муссолини, в силу фашистского родства душ, имеется даже симпатия, и «вождь латвийского народа» считает полезным завлечь время от времени о своем единомыслии с «великим вождем Италии». При праздновании переворота 15 мая латвийский «вождь» выхлопотал даже от своего итальянского коллеги «собственноручное» поздравительное письмо, на которое так же «собственноручно» и ответил. Летом прибывает в Латвию итальянская экскурсия «политических и хозяйственных деятелей». Итальянский посланник Мамели, а еще больше некий Фоскини, представитель телеграфного агентства Стефани, без устали расхваливает переворот «так схожий с итальянским», и на основании «своей практики» дает советы, как бороться с противниками, с «коррупцией социалистов», и строить фашистское государство.

Чтобы заручиться поддержкой известных английских консервативных кругов, сейчас же после переворота был заключен договор, согласно которому город Рига, с помощью правительства, возобновляет прекращенные со времени революции 1917 г. платежи по займу у банка братьев Лазар в Лондоне. В ответ на это «латвийский народ» получил «сердечное поздравление» с новым режимом и заверение в готовности оказывать всевозможную поддержку от имени «друзей Латвии», подписанное членом парламента Боссомом, крупным держателем облигаций рижского банка. В то же время в «Таймс» начали появляться инспирированные статьи, разъясняющие, что переворот в Латвии — это лишь «оздоровление демократии», так как де парламента и выборы будут восстановлены. То было дождем и год тому назад. Еще больше — теперь, когда ясно установился курс на полную фашизацию режима, внешняя политика которого опасна не только для самого латвийского народа и Прибалтики, ибо эта политика силится превратить Латвию в форпост гитлеровской Германии.

*) Когда это письмо было уже написано, в печати появился текст первомайской речи Гитлера, в которой он между прочим сказал: «Самая великая сила — это не солдаты и пушки, а вера». Гитлер хорошо учитывает значение духовного фактора. — В. В.

ЖАН АЛЛЕМАН

В предместьях Парижа скончался на 92 году жизни Жан Аллеман, один из последних активных участников Парижской Коммуны 1871 года и в то же время один из последних основоположников рабочего социалистического движения во Франции.

Рабочий-типограф, родившийся 25 августа 1843 года, Жан Аллеман вместе со своим братом Франсуа принял деятельное участие в стачечном движении, ознаменовавшем в начале 60-х годов прошлого века возрождение разбитого в июньские дни 48 года французского рабочего движения и предвещавшем крушение бонапартистского режима. В 1862 году, в связи с большой стачкой, Жан Аллеман был в первый раз арестован. Разгром Коммуны, пламенными борцами которой были оба брата, кончился для Франсуа долготелетней ссылкой; Жан был приговорен к смертной казни, замененной бессрочными каторжными работами.

Из каторжной тюрьмы Жан Аллеман вышел лишь через десять лет, когда была объявлена общая амнистия по делам Коммуны. То была пора, когда политическое и профессиональное рабочее движение переживало пору лихорадочной организации, но в то же время и ожесточенной борьбы течений и направлений, приводившей к откодам и расколам. В 1882 году откололись гэдисты. Аллеман с ними не пошел и остался с «поссибилистами», возглавлявшимися Бруссом. Но внутри «поссибилистской» партии Аллеман представлял левое крыло с «чисто-рабочим», революционно-синдикалистским уклоном, с тяготением к тактике «прямого действия» и т. п. В 1890 году и он со своими сторонниками откололся, а через год образовал «Рабочую Социалистическую - Революционную Партию» («аллеманисты»). Восстановление партийного единства в 1904 году привело очень скоро к ликвидации «аллеманистской» партии. А с началом войны, в 1914 году, 70-летний Аллеман совершенно отстранился от активной политической работы. На банкете, устроенном ему по случаю 90-летия социалистическими журналистами два года тому назад, старый борец произнес в своей речи слова, ставшие как бы его завещанием пришедшим и еще грядущим ему на смену поколениям: «Всегда идите вперед!»

ПО РОССИИ

МОСКВА. — Беспартийные сталинцы и партийные анти-сталинцы. — ВКП без большевиков. — Добродетельный Сталин и разложившийся Енукидзе. — Кто ближе к Сталину? — «Рабь!» — На положении Павла I. — Комсомол, «провонявший меньшевизмом». — Сталин наш!

...Пожалуй самым интересным явлением в нашей советской жизни является сейчас эволюция настроений в партийной среде и среди беспартийных спецов. Настроения эти меняются буквально с часу на час. Среди коммунистов, особенно старых, — растерянность, переходящая у одних в озлобленность, у других — в панику. ВКП (б) окончательно превращается в «Наркомат Особого Назначения». То, что было заключено в скобки (б) и что должно было напоминать о прошлом партии, о ее героическом периоде теперь за ненадобностью ликвидируется. «Большевики уже не в скобках, а за решеткой», — с горечью сказал мне один старый большевик, когда речь зашла о походе Сталина на остатки старой гвардии. **ВКП без большевиков** — таков смысл самоновейшего партийного курса Сталина.

Расправа Сталина с Енукидзе здесь многим напомнила расправу Гитлера с Ремом. Верны или неверны официальные утверждения о «моральном разложении» Енукидзе, о его бабленинании и свободном обращении с казенными средствами, — дело не в этом. Допустим, — говорил мне один коммунист, — что все это верно, и что Енукидзе пострадал не только за свою мягкость и покровительство меньшевикам и оппозиционерам, но и за разные художества. Но разве Сталин не знал всего этого уже давно? Конечно, знал и раньше, но закрывал на это глаза и всемерно покрывал, пока не решил ликвидировать своего старого друга и соратника подобно тому, как Гитлер устранил Рема под соусом морального возмущения.

Такие речи приходится слышать нередко, как нередко приходится слышать и о том, что «Сталин перешел на положение Павла I-го». После убийства Кирова он никому, говорят, не

доверяет, даже из ближайшего окружения. В каждом из приближенных он готов видеть «Графа Палена». Так Кремль уподобляется Инженерному Замку. Сталин правил посредством страха, теперь страх начинает править Сталиным. Он боится своих и готов сделать ставку на чужих.

«Тот за беспартийных» явился неожиданностью для вас, за границей, но не для нас. Новые нити протянулись от Сталина к спецам, спецые вновь начинают чувствовать свой социальный вес; при этом не имеет значения, имеют ли они партбилет в кармане или нет. В сущности они давно уже в душе беспартийные большевики, — по терминологии Сталина. Один из них недавно со мной разоткровенничался. Спец как спец, но человек наблюдательный и умный. Вот сущность нашей беседы:

— «Да, теперь опять можно жить. Материально еще туговато и не так сытно, как при Нэп'е, но ведь время Нэп'а мы забыли, точно триста лет прошло, и сравниваем мы нынешнее положение не с 1926 годом, а с прошлым годом, или прошлым месяцем. И выходит, что становится все лучше да лучше. Когда начиналась генеральная линия, многие из нас роптали: и мужика боялись, и темпы казались непосильные, и голодно-вато было. Головой мы понимали, что нужны и Днепрострой, и Магнитогорск, и Кузбасс. Но это все было где-то далеко и строилось для будущего. А теперь вот строят метро, и это для нас, это уж под носом, это для сегодняшнего дня. Вот разница».

— «В начале генлинии натерпелись страху немало, что и говорить. Ложась спать, ставили у постели чехмоданчик с бельем, мылом. И не потому, что грехи за собой чувствовали, а потому, что тогда ведь спецов хватало и ликвидировали без разбора. Теперь я ничего не боюсь, сплю спокойно, а пускай вот старые большевики стаят у постели чехмоданчик! Факт, что мы, беспартийные спецые, чувствуем себя много ближе к нашему вождю, чем многие, многие старые коммунисты: они все глядят назад, а мы — вперед. Они боятся его «измены», а нам дорог его реализм. Они о мировой революции плачут, а нам Сталин вернул нашу родину-мать. Вот со мной какой случай был: встретился я после убийства Кирова со старым приятелем из ленинской гвардии; выражаю ему свое возмущение по поводу террористического акта, а он вместо благодарности мне злобно блеснул глазами из-под очков и прошипел: «Рабь!» Не на убийц из зиновьевского охвостья, а на меня рассердился! Не потому, конечно, что этот старый большевик был террористом и приветствовал убийство Кирова, а потому, что он мое возмущение, возмущение беспартийного, считал реакцией раба. Впрочем, хоть он и не террорист, но, наверно, считал Сталина источником всех зол и бед. Это теперь характерно для настроения старых большевиков. Так, вот что же, Сталину считаться с этими настроениями, или равняться по Комсомолу, который нас-сквозь провонял меньшевизмом? Не смотрите на меня так: именно, меньшевизмом, ибо все эти разговорчики о национал-большевизме, о технократии и т. д., — все это, извините, меньшевизм. Сталин о государстве думает, а ему чорт знает чем в нос тычут, палки в колеса вставляют. Мы это понимаем и ему сочувствуем, Сталин наш!»

Этот сталинец из беспартийных, злорадствующий по случаю расправы со старой гвардией, становится все более и более характерной фигурой. Их уже и сейчас немало, но они растут в числе, смеют с часу на час и собираются со всеми удобствами расположиться на авансцене, очищенной от старых мавров. В серъез и надолго ли, — об этом один Сталин ведает.

П.

Москва, 18 июня 1935.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 20/6.

Отослано: № № 10, 39, 40.

От конторы. — В июле и августе контора «С. В.» закрыта по субботам и воскресеньям.

Следующий двойной № 14/15 «Социалистического Вестника» выйдет 25-го августа.

ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАИ ДРУГОМУ!